

Анатолий Беляев

Укушенные

Геологическая комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА, ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Геннадий Михайлович Белов – начальник отдела специсследований, кандидат геолого-минералогических наук, вице-президент чайного клуба «Плутон»; мужчина сорока лет.

Натasha – его жена, инженер-программист; красивая моложавая женщина.

Игорь – его сын, ученик второго класса; бойкий, веселый мальчик.

Валентина Семеновна – его теща, пенсионерка.

Таня – первая медсестра; молодая, привлекательная девушка.

Нинель – вторая медсестра; высокая молодая женщина, сердитая на вид.

Виктор – первый больной; спортивный мужчина пятидесяти лет, в тренировочном костюме.

Борис – второй больной; мужчина сорока лет, в

ярко-синем шелковом халате.

Сергей – третий больной; мужчина неопределенного возраста, но скорее молодой, чем старый; вялый, в мятой больничной пижаме.

Вадим Андреевич – лечащий врач; молодой энергичный, с военной выправкой.

Владимир Семенович – старший научный сотрудник, вице-президент чайного клуба «Плутон»; видный мужчина шестидесяти лет.

Марина – лаборантка; высокая, раскрепощенная девушка двадцати лет; в свитере и короткой юбке.

Василий Иванович – заместитель директора института по хозяйственной части; пятидесяти лет, ниже среднего роста, подвижный до суетливости.

Людмила Николаевна – кандидат геолого-минералогических наук, вице-президент чайного клуба «Плутон»; стройная блондинка средних лет.

Валентина Александровна – кандидат геолого-минералогических наук, вице-президент чайного клуба «Плутон»; интересная женщина пятидесяти лет.

Семаков Женя – геолог, действительный член чайного клуба «Плутон»; тридцати пяти лет, среднего роста, с бородой.

Анвер Метхатович – доктор геолого-минералогических наук, вице-президент чайного клуба «Плутон»; элегантный мужчина сорока пяти лет, в костюме и галстукe.

Юрий Борисович Богданов-Балтийский – кандидат геолого-минералогических наук, секретарь чайного клуба «Плутон»; средних лет, среднего роста, рыжий, бородка «клинышком», в рас-

стегнутом пиджаке.

Вячеслав Ефимович Руденко – кандидат геолого-минералогических наук, президент чайного клуба «Плутон»; плотный мужчина средних лет, стриженный ежиком, одет в свитер.

Михаил Иванович Говоров – доктор геолого-минералогических наук, председатель «Общества трезвости и борьбы с пьянством»; среднего роста, щуплого телосложения.

Андрей Семенович Ефрон – геолог, вице-президент чайного клуба «Плутон»; пожилой мужчина с окладистой бородой, неторопливый в движениях.

Леонид Мордберг – младший научный сотрудник, член-корреспондент и старший звонарь чайного клуба «Плутон»; энергичный молодой человек.

Алена Борисовна Морозова – инженер-геолог, младший звонарь чайного клуба «Плутон»; красивая молодая женщина.

Петр Александрович – директор института, экс-президент чайного клуба «Плутон»; высокий, солидный мужчина, в строгом темном костюме.

Участковый врач, главврач, члены санитарной комиссии, геологи отдела специсследований.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Квартира Геннадия Михайловича. Сцена разделена перегородкой на две комнаты – гостиную и кабинет. В гостиной Наташа накрывает стол к обеду.

Геннадий Михайлович в кабинете лежит на диване и читает газету.

Геннадий Михайлович (*откладывает газету, трогает рукой лоб и громко кричит в открытую дверь*). Нат! Иди сюда. Посмотри, у меня, кажется, температура!

Наташа (*входит и дотрагивается пальцами до его лба*). Нет у тебя температуры.

Геннадий Михайлович. Как же нет? Ты не пальцами, а ладонью попробуй.

Наташа молча кладет ладонь на лоб мужа.

Геннадий Михайлович (*с легким раздражением*). У тебя руки всегда холодные как лед, а сегодня горячие, будто ты их в кипятке держала.

Наташа. У меня нормальные руки, а температуры у тебя нет.

Геннадий Михайлович. И откуда такая черствость? Обязательно надо изобразить дело так, будто я закоренелый симулянт. Нет, чтобы проявить участие, может быть даже немного слукавить, и сказать: «Да, милый, действительно температура, и какая высокая!»

Ложись, дорогой, в кровать, и как следует, отдохни! ».

Наташа *(с иронией)*. Ложись, дорогой, в кровать, и как следует, отдохни.

ЯВЛЕНИЕ 2

В гостиную входит Игорь, от дверей бросает портфель на свой письменный стол, проходит в кабинет.

Игорь *(поднимая вверх руку)*. Всем привет!

Наташа. Тише сынок, папа, кажется *(делает ударение на слове «кажется»)*, заболел.

Игорь *(подходит к отцу, кладет ладонь ему на лоб и с суровым видом участкового терапевта ставит диагноз)*. Здоров, как бык.

Наташа *(Игорю)*. Не трогай отца за лицо грязными руками. Сейчас же иди, умойся.

Наташа с Игорем выходят в гостиную, а затем в коридор (за сцену).

Геннадий Михайлович *(вытирает лоб платком)*. Мир без милосердия. Никакого сочувствия даже к больному отцу. А теща утверждала, что все хорошее в Игоре от нее и Натальи, а от меня сын унаследовал только лень и хитрость. *(Встает с дивана, берет градусник, встряхивает его.)* При всеобщей черствости людей остаётся последняя надежда на беспристрастную объективность прибора. *(Ставит градусник под мышку, садится в кресло)*. Между прочим, с моим школьным опытом я мог бы в

пять секунд получить на градуснике любую температуру, причем несколькими разными способами (*берет в руки газету*).

В гостиную возвращаются Наташа и Игорь.

Игорь. Где наш лотерейный билет? Сегодня в газете должна быть напечатана таблица розыгрыша.

Наташа. Билет в кабинете на полке, а газета у отца.

Игорь заходит в кабинет, берет с полки лотерейный билет и молча забирает у отца газету.

Наташа (*из гостиной*). А что будет, если мы выиграли Волгу?

Геннадий Михайлович (*насмешливо*). Зачем она вам нужна с ее кораблями и портами?

Игорь (*смотрит в газету*). Мы возьмем автомобиль.

Наташа (*заходит в кабинет*). Нет, лучше возьмем деньгами.

Геннадий Михайлович. Ну, и что вы будете делать с такой кучей денег?

Наташа (*мечтательно*). Я сразу брошу работать.

Игорь (*мечтательно*). А я учусь.

Геннадий Михайлович. Правильно сынок, меньше знаешь – крепче спишь.

Игорь (*с досадой отбрасывает газету*). Опять мимо!

Геннадий Михайлович (*насмешливо*). Не судьба тебе нынче бросить школу. Придется мучиться еще восемь лет.

Наташа с Игорем выходят в гостиную.

Наташа (*строго*). Какие у тебя сегодня уроки?

Игорь (*все еще переживая отсутствие выигрыша*).
Ничего не задали.

Наташа. Как, совсем ничего? Покажи дневник.

Геннадий Михайлович (*с завистью, слушая разговор в гостиной*). Как хорошо теперь в школе, ничего не задают. Если бы еще и деньги платили, то было бы не хуже, чем на пенсии.

Наташа. Не может быть, чтобы совсем ничего не задали.

Игорь. Надежда Карловна сказала: «немножечко подучить».

Геннадий Михайлович. Какая элегантная формулировка «немножечко подучить», все в мире совершенствуется, даже лень.

Наташа. Где твой дневник?

Игорь (*поспешно*). А я сегодня четверку с минусом получил по арифметике. Хочешь, покажу?

Наташа (*смотрит в дневник и говорит удивленно*). Где же четверка? Тут стоит двойка!

Игорь (*весьма натурально*). Где? Ой, это Надежда Карловна ошиблась и поставила двойку Рябининой в мой дневник.

Геннадий Михайлович. Если врет, то очень убедительно.

Наташа. Ты Надежде Карловне завтра обязательно скажи об этом.

Игорь. Конечно, она перепутала и мне случайно двойку поставила, а Рябининой мою четверку.

Геннадий Михайлович. Повезло Рябининой. Приятно, наверное, вместо двойки обнаружить в дневнике четверку. Мне ни разу так не везло, все было наоборот.

Наташа. Завтра же скажи Надежде Карловне, слышишь?

Игорь *(с облегчением)*. Обязательно! *(выбегает из комнаты)*.

Геннадий Михайлович *(достаёт градусник из-под рубашки)*. Тридцать шесть и четыре. О небо, даже приборы против меня. Просто не верится, что нет повышенной температуры. Уже неделю чувствую себя отвратительно *(кричит так, чтобы было слышно в гостиной)*: Нат! А может у меня просто упадок сил?

Наташа *(невозмутимо, как англичанка)*. Так оно и есть, дорогой. Ложись и отдыхай!

В гостиную входит Валентина Семеновна и помогает Наташе накрывать стол к обеду.

Геннадий Михайлович *(ложится на бок и укрывается пледом)*. Всё тело ломает, а есть хочется при этом, сил нет! *(Громко кричит)*. Нат! Мы сегодня будем обедать или нет?

Наташа *(заглядывает в кабинет)*. Ты же себя плохо чувствуешь.

Геннадий Михайлович *(с досадой)*. Ну и что?

Живот у меня не болит, и глотать я могу.

Наташа. Значит, ты не больной, у больных пропадает аппетит.

Геннадий Михайлович (*с тревогой*). Куда пропадает? Не должен он никуда пропадать.

Наташа. Аппетит должен уменьшаться. Вот когда я болею, то не хочу есть.

Геннадий Михайлович. А у меня всё наоборот.

Наташа. Нормальные люди во время болезни должны терять аппетит.

Геннадий Михайлович (*твердо*). Нормальные люди никому ничего не должны. Аппетит теряют только слабые духом люди. (*В сторону*) Отличная мысль, надо будет запомнить. (*Наташе*) Если хочешь знать, я горжусь своим аппетитом. Он всегда сильный и напористый, как северный ветер Борей.

Наташа (*после паузы*). Ладно, Борей, иди обедать.

Геннадий Михайлович быстро, но без поспешности, проходит в гостиную и садится за накрытый к обеду стол.

Игорь (*вбегает и радостным голосом сообщает*). А бабушка сейчас блюдо с винегретом уронила на пол!

Наташа (*строго*). И чему же здесь радоваться? Иди и помоги бабушке убрать.

Игорь делает скорбное лицо и уходит на кухню.

Валентина Семеновна (*на кухне выговаривает внуку*). Я все слышала! Ах ты, маленький лицемер, весь в отца.

Геннадий Михайлович (*Наташе*). Ты слышала, что сказала ваша маменька? Это я – лицемер! Да вы настоящих лицемеров не видели. Если человечеству когда-нибудь понадобится аллегория «Искренность» в виде гигантского стометрового монумента на берегу океана, то я первый кандидат в натурщики. Мне еще в школе директриса говорила, что для хулигана у меня удивительно честное лицо.

Входят Игорь и Валентина Семеновна, садятся за стол.

Валентина Семеновна (*Игорю*). Сиди прямо, не горбись. (*Геннадию Михайловичу*) Вам положить немного винегрета?

Геннадий Михайлович (*не без сарказма, но дружелюбно*). Почему же немного?

Валентина Семеновна. Я слышала вам нездоровиться и думала, что нет аппетита.

Геннадий Михайлович (*твердо*). Прошу всех запомнить, что аппетит, как и совесть, я никогда не теряю!

Пауза. Все молча едят.

Валентина Семеновна. Наши соседи со второго этажа привезли с юга два чемодана отборных груш. Но за время переезда несколько штук успели подпортиться, и они тут же их съели. На следующий день еще

несколько груш испортились, потом еще. Так они и съели два чемодана гнилых груш.

Геннадий Михайлович. Поучительная история. Кстати о грушах. Одна женщина, уезжая в отпуск, оставила подруге раскормленную болонку и предупредила, что у собачки очень плохой аппетит и ее надо кормить деликатесами. Возвратившись из отпуска, хозяйка увидела, как подруга бросает собаке зеленые груши, а та на лету их ловит, и жадно ест.

«Как тебе удалось развить у собаки такой зверский аппетит?» – удивилась хозяйка.

«Очень просто, – ответила подруга, – эти груши первое, что она получила за месяц».

Игорь (*громко хохочет*). Вовка Панкратов говорит: «Никогда не оставляй на завтра то, что можешь съесть сегодня».

Геннадий Михайлович. А вот в журнале «Здоровье» я прочитал, что «есть надо много, но часто!»

Валентина Семеновна. Вы перепутали. Наверное «мало, но часто».

Геннадий Михайлович (*твердо*). Нет, именно «много, но часто!» Правда, это было напечатано на последней странице в разделе юмора. Но, все равно, в этом что-то есть. Верно?

Игорь громко хохочет.

Валентина Семеновна. Ох, Геннадий Михайлович, какой вы пример сыну показываете? Не обед, а сплошные анекдоты.

Геннадий Михайлович. Вы же сами первая рассказали про гнилые груши. Неужели все должны молча сидеть и жевать, словно коровы сено?

Наташа (*строго*). Давайте, спокойно пообедаем. Биолог Сеченов говорил, что «еда – это самое интимное общение человека с окружающей средой».

Геннадий Михайлович. Ах, как это мудро! Что ж, давайте, интимно общаться с окружающей средой.

Короткая пауза.

Игорь (*вставая из-за стола*). Мне срочно надо на улицу.

Геннадий Михайлович. А как же «немножко подучить?»

Игорь. Это потом, я вернусь и быстро все сделаю.

Наташа. Ты, лучше, сейчас все быстро сделай, а потом пойдешь гулять.

Игорь. Хо, хо, нет уж! Сначала немного погуляю.

Наташа. Без разговоров, садись и занимайся!

Игорь (*нехотя садится за письменный стол, открывает портфель, достает дневник и сразу вскакивает*). Ой, совсем забыл. Мне надо к Вовке сходить, переписать у него домашнее задание.

Наташа. Какое задание? Вам же сказали только «немного подучить».

Игорь (*слегка растерявшись*). А я..., это..., совсем и забыл. По арифметике что-то задали.

Наташа. Никуда ты не пойдешь! Позвони Володе по телефону и узнай домашнее задание.

Игорь. У него отключили телефон.

Наташа. Позвони другим приятелям.

Игорь (*чрезвычайно искренне*). У них ни у кого нет телефона.

Наташа. Сиди дома и занимайся.

Игорь (*садится на место и обиженно бубнит*). Ну, и, пожалуйста, я могу не ходить к Вовке и ничего не спрашивать. Конечно, если вы хотите, что бы Надежда Карловна мне еще одну двойку влепила.

Наташа (*изумленно*). Как это, еще одну двойку?

Геннадий Михайлович (*в сторону*). «На всякого мудреца – довольно простоты».

Игорь (*понимая, что проговорился, хватается руками за живот и, согнувшись, продвигается к выходу из комнаты*). Ой, живот схватило!

Наташа (*выбегает вслед за сыном и слышно, как в коридоре она стучит в дверь туалета и кричит*). Сейчас же открой дверь! (*В ответ раздается утробное гудение унитаза*).

Геннадий Михайлович благодарит тещу за обед, раскланивается и уходит в кабинет.

Геннадий Михайлович (*имея в виду сына*). Теперь до вечера не выйдет.

Наташа (*в коридоре ведет переговоры с сыном*). Выходи, я тебе ничего не сделаю!

Геннадий Михайлович. Так он тебе и вышел. А с Рябининой здорово придумано. Знобит – сил нет.

Геннадий Михайлович садится за письменный стол, берет градусник, ставит под мышку. Переговоры в

коридоре закончились и в гостиную входят Наташа с сыном. Игорь молча берет дневник и выходит.

Наташа *(вслед сыну)*. И чтобы через двадцать минут был дома *(заходит в кабинет и обращается к Геннадию Михайловичу)*. Совсем распустил сына. Учится плохо, да еще и врет. Вернется – обязательно его накажи.

Геннадий Михайлович *(возмущенно)*. Хорошо вы устроились: сын врет, мать выносит приговор, а отец должен наказывать. Я что, домашний палач? *(смотрит на градусник)* Тридцать шесть и восемь! Что, убедилась?

Наташа. В чем?

Геннадий Михайлович *(встряхивает градусник и ставит под мышку)*. Что я больной! Я всегда заранее предчувствую болезнь, как медуза шторм.

Наташа. Это нормальная температура человеческого тела!

Геннадий Михайлович. Обижаешь! Получается, что я просто симулянт. Нормальная температура человека тридцать шесть и пять десятых, а восемь десятых – это уже болезнь!

Наташа *(гордо)*. Даже когда у меня тридцать семь, я иду на работу и не хнычу!

Геннадий Михайлович. Просто, ты легко переносишь температуру. А у крупных мужчин – сложный теплообмен, потому что они очень тонко устроены – как орган!

Валентина Семеновна *(убирает со стола в гостиной и, слушая разговор в кабинете, передразни-*

вает зятя). Орган!

Наташа. Ладно, «орган», ложись в постель...

Геннадий Михайлович (*ложится на бок*). Я где-то читал, что настоящие мужчины очень чувствительны к болезням.

Наташа. Да, в художественной литературе об этом пишут на каждом шагу (*выходит в гостиную и помогает матери убирать со стола*).

Геннадий Михайлович. Лежать без дела для меня невыносимо! (*Поворачивается на бок и берет с полки большую книгу*.) Так, посмотрим, что пишут в медицинской энциклопедии (*открывает и читает вслух*): «Опухоли злокачественные». Тьфу! (*захлопывает книгу*) Надо же, сразу нарваться на такую гадость! (*с тревогой ощупывает своё горло*). Под челюстью появился желвак, раньше его не было. А вдруг это злокачественное образование, и у меня рак горла? (*Садится*) Фу, ты, черт, от таких мыслей даже в животе нехорошо стало (*кричит в дверь*). Нат!

В кабинет входит Наташа.

Геннадий Михайлович. Пощупай мое горло.

Наташа (*садится рядом на диван и терпеливо щупает горло*). Ну, и что такого?

Геннадий Михайлович. Чувствуешь опухоль слева?

Наташа. Нет!

Геннадий Михайлович. Здесь под челюстью, твердое.

Наташа. Чувствую, это кость!

Геннадий Михайлович. Под костью, под костью!

Наташа. Это железа с горошину величиной.

Геннадий Михайлович (*сдавленным голосом*). Может у меня рак горла?

Наташа (*целует мужа в голову и насмешиливо говорит*) Прощай, любимый!

Геннадий Михайлович (*вынимает градусник и кричит, чтобы теща в гостиной тоже услышала*) Тридцать семь и две! Может скорую вызвать?

Валентина Семеновна (*громко*). С такой высокой температурой вас надо прямо в реанимацию!

Наташа. Сейчас вызову врача (*выходит в гостиную и звонит по телефону*)

Геннадий Михайлович (*ложится на диван, берет в руки энциклопедию и листает ее*). Что это за ужас тут нарисован? (*вслух читает подпись*). Характерная поза больного столбняком при судорогах. Голова запрокидывается назад, тело изгибается дугой, и больной опирается о ложе только головой и пятками. Рот больного растягивается и производит впечатление улыбки. Столбнячная бактерия может проникать в кровь через порезы. (*Быстро осматривает руки, проверяя, нет ли на них порезов, откладывает в сторону энциклопедию и несколько секунд лежит, задумавшись*). Ну-ка, интересно, как это выглядит в натуре. (*Делает мостик на голове и пятках, лицо растягивается в идиотскую улыбку*).

Входит Наташа; увидев мужа в такой позе, громко вскрикивает. Геннадий Михайлович от

неожиданности вздрагивает и падает на диван.

Геннадий Михайлович. Что ты кричишь? Испугала меня, и я чуть шею не сломал.

Наташа. Это ты меня напугал. У тебя было такое лицо!

Геннадий Михайлович. Это характерная поза больного столбняком, называется (*заглядывает в энциклопедию*) «опистотонус», а такое выражение лица носит название «сардоническая улыбка».

В прихожей раздается звонок, и Наташа идет открывать дверь. Геннадий Михайлович ложится на спину, скрещивает на груди руки и закрывает глаза. Футляр от градусника, зажатый в его пальцах, торчит вертикально и напоминает свечу. В комнату заглядывает теща и, увидев зятя в позе покойника, вскрикивает. Геннадий Михайлович от неожиданности вздрагивает.

Геннадий Михайлович (*раздраженно*). Почему сегодня все подкрадываются, кричат и меня пугают?

Валентина Семеновна. Слава богу, вы живой!

Геннадий Михайлович. Да, и собираюсь жить долго, и никакие шпильки меня не сломят!

Валентина Семеновна. Что вы имеете в виду?

Геннадий Михайлович. Вы имеете привычку гасить свет, всякий раз, когда я захожу в туалет.

Валентина Семеновна. Вы там читаете и сидите по сорок минут.

Геннадий Михайлович. Тем более, за это время можно заметить, что внутри есть человек, и включить свет.

В кабинет входит Наташа.

Геннадий Михайлович. Ну, кто там, врач?

Наташа. Иди, лови своих белок, они опять хулиганят у соседей.

Геннадий Михайлович. Это не мои белки, а Женьки Семакова. Он привез их из экспедиции в подарок младшему сыну на день рождения и оставил у меня на неделю. Но белки сбежали и теперь их не поймать. Что они снова натворили?

Наташа. Они забрались на антресоли и растащили все сушеные грибы Анны Ивановны.

Геннадий Михайлович (*рассудительно*). Запасы на зиму делают, значит, в нашем доме жить собираются.

Наташа. А в кармане драпового пальто Виталия Семеновича они устроили гнездо.

Геннадий Михайлович. Ничего страшного.

Наташа. Да, но они прогрызли наружу два запасных выхода. Короче, вставай и лови белок.

Геннадий Михайлович (*с сарказмом*). Да, вот сейчас я все брошу и с температурой пойду ловить белок по всему дому! А если врач придет и спросит, где больной? Вы что ему скажете? Белок ушел ловить?

Звонок в дверь, Наташа выходит открывать.

ЯВЛЕНИЕ 3

Входят Наташа и участковый врач в белом халате.

Врач (*Геннадью Михайловичу*). Здравствуйте, на что жалуетесь больной?

Геннадий Михайлович. Знобит и высокая температура.

Врач (*достает из сумки градусник встряхивает и ставит больному, садится за стол и начинает писать*). Место работы и должность?

Геннадий Михайлович. Научно-исследовательский геологический институт, старший научный сотрудник.

Врач (*достает градусник*). Тридцать восемь (*записывает в бюллетень*). А теперь раскройте рот и покажите язык. Странно, у вас абсолютно чистое горло и нормальный язык. А живот не болит?

Наташа. С животом все в порядке, его аппетит – гордость нашей семьи.

Врач (*достает стетоскоп*). Поднимите рубашку (*прослушивает спину и грудь*). С легкими все в порядке. Откуда у вас это красное пятно на животе?

Геннадий Михайлович. Клещ укусил в тайге.

Врач. Так что же вы молчите. Когда и где?

Геннадий Михайлович. Две недели назад в экспедиции.

Врач. Прививка против энцефалита у вас есть?

Геннадий Михайлович. А как же, двадцать лет делаю каждый год. У геологов говорят, что без прививки человек от энцефалита умирает сразу, а с

прививкой есть шанс на всю жизнь остаться идиотом.

Наташа (*врачу*). Пожалуйста, не обращайтесь внимания на его слова, он просто не может говорить без иронии.

Врач. Это покраснение с типичными кольцами называется «эритема» и образуется при заболевании «боррелиоз», которое, как и энцефалит, передается при укусе иксодовым клещом.

Геннадий Михайлович. Что-то я не слышал о такой болезни.

Врач. Ее обнаружили только недавно. Нам рассказывали на курсах повышения квалификации, но живого больного не показали. Вам повезло, вы первый в нашем районе с таким заболеванием.

Геннадий Михайлович. Я давно заметил, что там, где не надо, я всегда первый, это только в очередь в кафетерии за мной уже никто не становится.

Врач. Раньше покраснение в месте укуса клеща считали аллергией на его слюну или результатом инфицирования ранки. Но несколько лет назад американские медики установили, что это самостоятельное заболевание, вызываемое спирохетой борреллой, кстати, близкой родственницей сифилиса.

Геннадий Михайлович (*с иронией*). Вот уж, действительно, кстати.

Врач. Признаки этого заболевания во многом сходны с энцефалитом, в тяжелых случаях может развиваться менингит. Ну-ка, подтяните колени к животу и наклоните вперед голову, чтобы подбородок касался груди.

Геннадий Михайлович. Так?

Врач (*трогает пальцами его затылок*). Здесь не болит?

Геннадий Михайлович. Нет!

Врач. Ну, все равно, надо вызывать «скорую» и госпитализировать.

Наташа. Доктор, а это заразная болезнь?

Врач. Инфекция передается только через кровь. Правда, известен один случай, когда клещ впился в лошадь, а она, в свою очередь, укусила за плечо хозяина, который ее запрягал. И человек заболел боррелиозом. Значит, возможна передача и через слюну. Где у вас телефон?

Наташа и врач выходят в гостиную к телефону. Геннадий Михайлович в это время подтягивает ноги к животу и, наклоня голову, щупает затылок. Делает так несколько раз.

Наташа. Доктор, это очень опасная болезнь?

Врач. Первая стадия обычно протекает легко и только один-два процента тяжелых случаев с менингитом, но если вовремя не лечить, то рецидивы чаще тяжелые.

Врач звонит по телефону и вызывает «скорую». Наташа провожает врача, возвращается в кабинет и садится рядом с Геннадием Михайловичем, который находится в согнутом положении.

Наташа. Ну, как ты себя чувствуешь?

Геннадий Михайлович (*распрямляясь*). У ме-

ня уже болит затылок. Это менингит?

Наташа. Если двадцать раз подряд нагнуть голову, то шея заболит у любого здорового человека.

Геннадий Михайлович. Меня всегда восхищают бесстрашие и оптимизм здоровых людей, особенно когда они утешают больных. Вот я сейчас, до приезда «скорой», вас с тещей укушу и в ранку пушу слюну. И тогда посмотрим, как вы запоете.

Наташа. Отрадно, что чувство юмора, как и аппетит, ты никогда не теряешь!

Геннадий Михайлович. Позвони завтра на работу и предупреди моих сотрудников, чтобы пришли в инфекционную больницу на обследование, нас вместе клещи кусали.

Наташа. Не волнуйся, все будет хорошо!

Геннадий Михайлович. Именно такой фразой успокаивал себя мужчина, падая с десятого этажа.

Наташа. Ты неисправим, и думаю, что если бы ты падал с десятого этажа, то успел бы рассказать жителям какой-нибудь анекдот.

Геннадий Михайлович. Я как раз знаю такой короткий:

«Дяденька, осторожно, там нет балкона!

Ерунда... а... а... а...»

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена разделена перегородкой на две части: справа больничная палата, слева окно и дверь на широкий балкон. В палате стоят четыре койки, на трех из них лежат больные. Справа дверь в коридор. Входит Геннадий Михайлович в сопровождении медсестры.

ЯВЛЕНИЕ 1

Первая медсестра. Ваша кровать. Устраивайтесь, до завтрака натошак у вас возьмут кровь на анализ (*выходит*).

Первый больной (*поворачивается на кровати*). Ребята, просыпайтесь, в нашем полку прибыло (*встает*). Здравия желаю. Больные инфекционного отделения приветствуют вас.

Геннадий Михайлович. Рад познакомиться.

Первый больной. Виктор Строгов, майор в отставке, пенсионер, садовод. Предупреждаю, здесь все сразу на «ты».

Геннадий Михайлович. Геннадий Белов, геолог.

Второй больной (*встает и пожимает Геннадию Михайловичу руку*). Борис Соловьев, кандидат физико-математических наук.

Третий больной (*оборачиваясь*). Меня зовут Сергей.

Виктор. Располагайся Геннадий, вон твоя тумбочка. Сегодня прибыл?

Геннадий Михайлович. Вчера днем. Ночь провел в изоляторе. Привезли меня на «скорой» и в

приемном покое зачем-то положили на каталку. Санитар встал сзади на тележку и, толкаясь ногой, как на самокате, разогнался, наверное, до тридцати километров в час. Мчимся по длинному коридору, только двери кабинетов мелькают. И тут поворот. Резиновые колеса завизжали, как на гонках в Монте-Карло. Я чуть не поседел от страха.

Виктор. Это Глеб, студент медвуза, санитаром здесь подрабатывает, виртуоз в своем деле, он всех так катает.

Геннадий Михайлович. Много в отделении больных?

Виктор. Сорок человек. С энцефалитом одна старушка, заразилась от молока своей козы, остальные с боррелиозом.

Геннадий Михайлович. Это такая распространенная болезнь?

Борис. Да, в Ленинградской области боррелиоз встречается чаще энцефалита. Лежат здесь в основном садоводы, несколько рыбаков и грибников. Из садоводов большинство те, которые раскорчевывали лес на своих участках.

Геннадий Михайлович (*Виктору*). Ты корчевал лес?

Виктор. Нет, у меня участок давно. Мы возвращались с дачи, подошли к станции, а тут электричка. Помчались со всех ног напрямик через кусты к платформе. Я впереди, на спине рюкзак, в одной руке сумка, в другой бидон с яйцами. Жена сзади бежит и кричит мне вслед во весь голос: «Витя, осторожней, яйца не раздави»! А народ на платформе со смеху так и по-

катился. Темные люди, как будто не знают, что яйца бывают только у птиц. Потом оказалось, что именно в этот момент в меня и впился клещ.

Геннадий Михайлович. Тяжелое заболевание боррелиоз?

Виктор. В большинстве случаев легкая форма – температура, слабость, недомогание. В отделении только двое с менингитом: наш Сергей и еще один мужчина. Правда, у того тяжелая форма. Лежит чуть живой под капельницей с повязкой на глазах.

Геннадий Михайлович. А повязка зачем?

Виктор. У него от света и шума обостряются приступы головной боли. Кричит бедняга, так что в нашей палате слышно.

Борис. Ребята, давайте градусники ставить, а то сейчас таблетки принесут.

Сергей. Кому таблетки, а мне уколы.

Виктор. Здесь всех лечат антибиотиками, нам таблетки, а менингитчикам делают уколы пенициллина.

Сергей. Совсем закололи, на заднице живого места нет. И никак вылечить не могут.

Виктор. Ты, Сергей, готовься, Татьяна смена кончается и Мамба вступает в свои права.

Геннадий Михайлович. Кто такая Мамба?

Сергей. О..., Мамба, как и сельва, шутить не любит.

Борис. И если Мамба спросила, то нужно успеть ответить.

Виктор. Вообще-то мамба это африканская гадюка, которая, говорят, если увидит человека, то гоняет-

ся за ним двухметровыми прыжками, пока не укусит. Здесь так называют старшую медсестру второй смены Нинель. Сергея она просто ненавидит, потому что ему надо колоть пенициллин через каждые три часа и ночью тоже.

Сергей. Танечка делает укол – ничего не чувствую. А Нинель вколёт – больно ужасно, словно ядовитая змея укусила.

Геннадий Михайлович. Это медсестра, которая меня сюда привела?

Виктор. Нет, это была Танюша из первой смены, наша лапушка. Мамбу скоро увидишь. Она, когда заходит в палату, то на лице у нее, как на плакате, написано: «Чтоб вы все сдохли!»

Сергей. Нинель в прошлой жизни, наверняка, была ядовитой змеей, а потом Дьявол сделал ее медсестрой.

Борис. Я видел у нее на руке обручальное кольцо.

Сергей. Подловила, наверное, какого-нибудь ротозея, укусила вполсилы и, пока он был в состоянии шока, затащила в ЗАГС!

Геннадий Михайлович. Нельзя так про женщину говорить.

Сергей. Сейчас она придет у тебя кровь на анализ брать. Спорю на двадцать уколов, что ты в нее не влюбишься.

Виктор. Сергей через Мамбу стал настоящим женоненавистником (*показывает пальцем на Сергея, который лежа на животе рукой под одеялом ощупывает свой зад*). Это он к уколу готовится, место выбирает, куда еще не кололи. Найдёт такую точку и держит

на ней палец до прихода медсестры.

ЯВЛЕНИЕ 2

В палату входит молоденькая медсестра.

Первая медсестра (*весело*). Доброе утро, укушенные. Я вам цветочки принесла и таблетки.

Ставит букет ромашек в банку на столе и раздает таблетки.

Виктор. Доброе утро Танечка, солнышко наше!

Борис. Танечка, вы сами, как ромашка на утреннем лугу.

Сергей. Танюша, сделай мне укол пораньше.

Первая медсестра. Что ты, Сережа, еще нельзя, можно только через час, а моя смена уже закончилась. Не скучайте, мальчики, послезавтра я снова заступлю на дежурство.

Виктор. Мой сын как раз заедет в отпуск из авиационного училища и придет меня навестить. Я тебя, Танюша, обязательно с ним познакомлю. Настоящий русский богатырь (*показывает руками ширину плеч*): красивый, как Алеша Попович (*загибает на руке палец*), сильный, как Илья Муромец (*загибает второй*), и мудрый, как Добрыня Никитич (*показывает кулак с отогнутым вверх большим пальцем*).

Первая медсестра. Раз он такой красавец, то, наверное, женат был раза четыре.

Виктор. Никак нет. У него «первым делом само-

леты, ну а... девушки потом». Вот я и подыскиваю ему невесту.

Первая медсестра (*смущаясь*). Вы, Виктор Степанович, обязательно в краску вгоните. А сын и без вашей помощи обойдется.

Виктор. В любовных делах мой сын профан. Когда он в десятом классе учился, привел к нам однажды девочку и заявил, что она не курит и не пьет! Я ее спрашиваю: «Любочка, ты что, действительно не куришь и не пьешь?» А она отвечает низким голосом: «Да, не могу больше!»

Борис. Танечка, тебе надо обязательно познакомься с сыном Виктора, может это судьба.

Первая медсестра. У меня от ваших слов лицо горит. Сейчас приду в сестринскую, а Нинель будет намекать, что ко мне опять мужчины приставали. Ладно, побегу, ну, вам что-нибудь еще нужно?

Сергей (*притворно*). Сестра, принесите мне каких-нибудь таблеток... от жадности... Только побольше, побольше!

Первая медсестра (*весело*). Хорошо. Сейчас принесу таблетки. Сначала прими три, а завтра, если проснешься, еще две.

Геннадий Михайлович. Очевидно, от этих таблеток жадных становится меньше?

Сергей. Спасибо, не надо.

Больные смеются. Сестра выходит из палаты

Виктор. Эх, какая девушка.

Борис. Наташа из третьей смены красивей.

Сергей. А мне больше нравятся блондинки.

Геннадий Михайлович. Говорят, что даже у людоеда есть своя точка зрения на то, какой должна быть настоящая женщина.

Виктор. Эх, сейчас бы скинуть лет двадцать.

Борис. Между прочим, мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует.

Геннадий Михайлович. А я слышал, что мужчины делятся на три возрастные группы: первая – водка, глотка, молодка; вторая – кино, вино, домино; и третья – кефир, клистир, сортир.

Борис. Ну, к первой группе можно отнести только санитару Глеба. Он на тележке по коридорам носится и горланит арии из опер.

Виктор. Тогда выходит, что я перешел уже во вторую группу?

Сергей *(печально)*. А я в третью.

Виктор. Да, время бежит. Страшно подумать, я уже пенсионер – садовод! Кстати, знаете, кто такие – сверху черные, а снизу белые?

Геннадий Михайлович. Нет.

Виктор. Это наш брат садовод, не разгибаясь, под солнцем на огороде вкалывает. С этой дачей, как белка в колесе. Все мечтал, хоть бы один день ничего не делать и выспаться, как следует. А как в больницу попал, так и сон не в радость. *(Встает и открывает окно на балкон.)*
Душно.

Геннадий Михайлович. Скоро осень, а все еще жарко.

Виктор. Небо, какое синее. Смотрите, вроде журавли летят.

Геннадий Михайлович. Рано еще.

Сергей (*задумчиво*). Лучше журавль в небе, чем «утка» под кроватью.

Виктор (*с досадой*). Тринадцать дней огород не поливали, наверное, все сгорело. Если только сосед не догадался полить, но он на меня в обиде. Этой весной зашел он ко мне в гости, а по ящичку как раз показывали экстрасенса... ну, того, который прямо по телевизору воду намагничивает.

Сергей. Чумак.

Виктор. Точно. Принес я с кухни ведро воды и поставил перед экраном.

«Всё это ерунда, – разошелся сосед, – неужели ты, боевой офицер, веришь этой чепухе?»

Я ему отвечаю, что мне воды не жалко, пускай, намагничивается, пока мы болтаем. У меня почему-то вся огуречная рассада зачахла, вылезли из земли два листочка и пожелтели. Вот на ней и хотел попробовать живительную силу намагниченной воды.

На другой день к вечеру мои огурцы «дали дуба», не помогла и магнитная вода. А тут мимо проходила старушка с лотком роскошной огуречной рассады. Растения большие, уже с несколькими листьями. Я купил три десятка, пересадил на грядку и стал поливать. И тут из города вернулся доцент. Как увидел он мои огурцы, так у него челюсть и отвалилась.

«Ну, что, наука, съел? – говорю я ему. – Предупреждали тебя. Эх, жалко мало воды зарядил, а то бы завтра урожай собирали».

Потом я ему правду сказал, но он все равно обиделся.

Борис. Геннадий, а у тебя есть ученая степень?

Геннадий Михайлович. Кандидат геолого-минералогических наук и ученое звание «старший научный сотрудник».

Борис. Что ты ищешь, если не секрет?

Геннадий Михайлович. Геологи всегда что-то ищут, хотя ничего и не потеряли.

Борис. Ответ уклончивый, значит, ищешь уран или алмазы.

Геннадий Михайлович. Почти угадал. Чувствуется, что общался с геологами. А ты, в какой области науки работаешь?

Борис. Физика земли.

Геннадий Михайлович. Так мы почти коллеги.

Борис (*с чувством превосходства*). Только физика – наука точная.

Геннадий Михайлович. Да, помнится, на лекции по физике профессор нам говорил: «Примем для простоты, что тело человека имеет форму шара, тогда его точно можно описать функцией вида: четыре третьих, пи эр в кубе!»

ЯВЛЕНИЕ 3

Входит вторая медсестра с подносом в руках. Больные замолкают.

Вторая медсестра (*непривязанно*). Что, укушенные, прищурились? Устроились мужики, целыми днями спят, а жены вкалывают.

Виктор (*Борису*). Так и хочется ее укусить... и в ранку пустить слюну.

Борис (*Виктору*). Не вздумай, а то сам отравишься и умрешь.

Вторая медсестра (*Сергею*). Больной, приготовьтесь к уколу.

Сергей. В это место, пожалуйста, где палец держу.

Медсестра быстро делает укол, Сергей стонет.

Вторая медсестра (*презрительно*). Не мужики, а трусливые кролики! (*Геннадью Михайловичу*) Так, давайте палец. Что вы напрягаетесь, будто у вас столбняк в последней стадии, расслабьтесь! (*Быстро колет палец иглой*).

Геннадий Михайлович (*вскрикивает*). Ой!

Вторая медсестра (*сердито*). Что вы дергаетесь?

Геннадий Михайлович. Вы что, думали я деревянный по пояс, да? А если вас этой «перкой» уколоть, вам будет не больно?

Вторая медсестра (*назидательно*). Это «игла для отбора крови на анализ», а «перкой» называют сверло для дерева.

Геннадий Михайлович. Какие познания в столярном деле, у вас, наверное, пятерка по труду была?

Вторая медсестра. У меня муж столяр и он эту «перку» всё время ищет – не мудрено и запомнить. Странно, у вас кровь из пальца не идет. Придется колоть другой палец.

Геннадий Михайлович. А если и из другого пальца тоже не пойдет?

Вторая медсестра. Еще как пойдет. Давайте палец (*берет новую иглу и быстро колет палец, Геннадий Михайлович дергается*). Почему у вас пальцы такие? Опять кровь не идет, придется колоть другой.

Геннадий Михайлович (*возмущенно*). Вы что, хотите насмерть меня заколоть?

Вторая медсестра. У вас подушечки пальцев мозолистые и до крови не проколоть. Вы, наверное, на гитаре играете? Понятно, тогда давайте мизинец правой руки.

Сергей за спиной медсестры поднимает вверх руку, согнутую в локте и кисти, так что напоминает голову змеи, готовящейся к броску. Медсестра поворачивается и удивленно смотрит на руку. Сергей поспешно крутит кистью, делая вид, что упражняет руку. Медсестра берет поднос и молча выходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Сергей. Убедился, что она не зря носит кличку Мамба?

Геннадий Михайлович. Самая неприятная для меня процедура, когда из пальца берут кровь. Всегда боюсь ужасно.

Борис. Это чисто психическое явление. Однажды мне под временную пломбу мышьяк положили. А я заболел, и он целый месяц там пролежал. Потом зуб запломбировали, все нормально. Но через год у меня раз-

болелся другой зуб, и мне опять мышьяк положили. Через три дня до этого зуба было не дотронуться – болел страшно. Врач мне и говорит:

«Не может такого быть, чтобы мышьяк нерв не убил. Это у вас, наверное, психическое. Или вы принимаете какие-то препараты мышьяка, и поэтому он на вас не действует».

«Конечно, – отвечаю я, – каждый день ем мышьяк с булкой и запиваю синильной кислотой!»

Виктор. Мышьяк – ерунда. У меня однажды разболелся зуб на втором году срочной службы. А наша ракетная точка находилась в глухой тайге. Двое суток на вездеходе добирались до медсанбата. Захожу в кабинет, а там врачиха – полногрудая дева – «кровь с молоком». А женщин я два года только на картинках и видел. Посмотрела она меня, взяла в руку клещи и сурово говорит: «Крепись, воин, рвать без наркоза буду».

Борис. Как это без наркоза?

Виктор. А вот так. Военные медики считают, что хорошо зафиксированный больной в анестезии не нуждается. И как навалилась она на меня своими грудями, так у меня дыхание и перехватило. И все члены отнялись, кроме одного. Она меня и спрашивает: «Ты что, воин, глаза закатываешь? Неужели так больно или нехорошо стало?» А у меня вместо голоса хрип какой-то: «Нет, говорю, хорошо, продолжайте».

Так и не помню, как зуб вырвала, совсем боли не почувствовал, вот это наркоз.

Сергей. А меня привезли в палату после операции аппендицита. Мужики в это время друг другу разные байки травили о том, какие хирурги рассеянные, то

тампон в ране забудут, то ножницы, и зашьют. Тут в палату заглянул хирург, который меня оперировал, и спросил: «Ребята, вы мои очки не видели?»

Виктор. Дочка недавно мне рассказала, как впервые переспала с мужчиной.

Борис. Неужели такими новостями теперь принято делиться с родителями?

Сергей. Может переспала в переносном смысле этого слова?

Виктор. Нет, в самом прямом смысле. Она работает фельдшером в «Скорой помощи». Однажды ночью их бригада вернулась на станцию после вызова. Спать всем хочется – сил нет. А на единственной кушетке развалился санитар из второй бригады. Ну, Катька его к стене подвинула и примостилась с краю. Будят ее на очередной вызов, а вторая бригада уже уехала.

Борис. Неужели так и не узнала, с кем спала?

Виктор. Через некоторое время все выяснилось. Врач из второй бригады шутя намекнул жене санитаря, которая работает там же диспетчером, что ее муж переспал с фельдшерницей из первой бригады. А та шутку не поняла и устроила скандал моей Катьке.

Борис. Укушенные, подъем, завтрак принесли.

Виктор выходит в коридор и через некоторое время возвращается в палату. Кладет на стол продукты.

Борис (Геннадью Михайловичу). Мы тут каждый день едим красную икру.

Виктор. Военно-воздушные силы Дальнего Востока не забывают своих героев.

Все садятся за стол, завтракают.

Виктор (*угощает всех бутербродами с красной икрой*). Эх, сейчас бы под такую закуску, да по пятьдесят граммов спирта. Как-то зимой на Таймыре на диком морозе мы снимали с вертолета турбину. Промерзли насквозь. Знакомые механики угостили нас антиобледенителем – смесью спирта и глицерина. Но на таком морозе это уже не совсем жидкость. Проглотишь кусочек и чувствуешь, как он ледышкой медленно опускается вниз по пищеводу (*показывает рукой*), потом вдруг останавливается и вверх. Здесь надо успеть сделать глоток горячего чая и растопить комок.

Борис. У нас в лаборатории, когда ученые мужи пьют казенный спирт, называемый в народе «хищенка», то закусывают его листьями бегонии, которую специально выращивают на подоконнике. Никогда не пробовали? Отличная закуска, листья хоть и страшные с виду, но вкусные, такие кисленькие.

Геннадий Михайлович. Чистый спирт так обжигает слизистую оболочку желудка, что потом можно хоть чурками закусывать, никакого вкуса.

Сергей. Неправда. Мой отец рассказывал, как в сорок пятом году они нашли на берегу разбитую американскую «летающую крепость». В резиновой лодке обнаружили «неприкосновенный запас» – консервы, спирт, шоколад и даже удочки для ловли рыбы. Открыли на закуску консервы, а там что-то вроде красной икры, но несоленое. Посолили и под спирт с удовольствием съели. В дивизионе мичман из штаба им перевел, что было написано на банке. Это оказались кон-

сервированные черви для ловли рыбы. Так вот, отец утверждал, что было очень вкусно.

Борис. Говорят, что в большой британской энциклопедии написано: «Водка – национальный русский напиток, – и дальше, – один литр смертельно, – и в скобках, – но только не для русских!»

Сергей уносит посуду, Геннадий Михайлович что-то записывает в тетрадь.

Виктор. Письмо строчишь?

Геннадий Михайлович. Байки записываю, которые вы рассказали. У нас в кабинете каждый день за чаепитием рассказывают свежие анекдоты и разные истории. Так этих рассказов хватит мне на несколько чаепитий. А из экспедиции я столько баек привез, хватит на всю зиму.

ЯВЛЕНИЕ 5

На другой день, та же палата, те же больные.

Борис (*Геннадию Михайловичу*). Ты какой вуз заканчивал?

Геннадий Михайлович. Геолфак Ленгосуниверситета, а ты?

Борис. А я физфак. Мне твое лицо удивительно знакомо, мы на первенстве университета по боб-допу не встречались?

Геннадий Михайлович. Возможно. Это когда мы физиков в сухую сделали?

Борис. Это химики от вас сухую получили, а мы заняли второе место со счетом восемь-десять. Но это случайность. Команда физиков всегда была сильнейшей в университете.

Геннадий Михайлович *(с насмешкой)*. Факты говорят о другом.

Борис *(показывает рукой на стол)*. Могу доказать. Прошу к снаряду *(бросает на стол пятак)*.

Геннадий Михайлович. Как перчатку бросил. Один на один?

Борис. Нет, по всем правилам, ребята нас поддержат. Сергей со мной, а ты с Виктором будешь играть.

Сергей. Мы же играть не умеем!

Геннадий Михайлович. Сейчас научим.

Садятся по двое с каждой стороны стола. Геннадий Михайлович берет пятак, и они с Виктором прячут руки под стол.

Борис. Боб!

Геннадий Михайлович стучит пятаком по краю стола и прячет руку под стол.

Борис. Доп!

Геннадий Михайлович повторяет движение.

Борис *(резко)*. Руки на стол!

Геннадий Михайлович и Виктор выбрасывают вперед

сжатые кулаки и, разжимая их, одновременно хлопают ладонями по столу.

Борис (указывая пальцем на руку Виктора). Отдай монету.

Геннадий Михайлович (Виктору). Ладно, отдай. Бить рукой надо сильнее, иначе противник слышит удар монеты (показывает). А потом делаем так (поднимает и держит ладони горизонтально над столом, и монета, прилипшая к одной из ладоней, не падает. Затем с хлопком соединяет ладони и, разъединяя их, снова хлопает по столу). Понял? (Снова поднимает ладони, к одной из которых прилипла монета, и показывает их зрителям).

Виктор. Офицеру достаточно показать один раз!

Борис забирает монету, и они с Сергеем прячут руки под стол.

Геннадий Михайлович. Боб!

Борис вынимает правую руку и стучит монетой по краю стола.

Геннадий Михайлович. Доп!

Борис повторяет движение.

Геннадий Михайлович. Руки на стол!

Борис и Сергей выбрасывают вверх руки и с криком

хлопают ладонями по столу.

Геннадий Михайлович *(Борису)*. Монета здесь!

Борис *(с досадой)*. Верно *(отдает монету)*. Просто везет!

Геннадий Михайлович. Как говорил Денис Давыдов: «Везение везением, но и умение надобно иметь!» *(вместе с Виктором прячет руки под стол)*.

Борис. Боб!

Геннадий Михайлович стучит монетой по краю стола.

Борис. Руки на стол!

Геннадий Михайлович и Виктор с громким криком одновременно грохают ладонями по крышке, так что у стола подламываются ножки, и он падает.

Виктор *(испуганно)*. Ой, я не хотел.

Борис. Вот это удар *(пожимает руку Геннадию Михайловичу)*. Это круто. *(Виктору)* На первой игре сломать стол, многим такой успех и не снился. *(Обменивается с Виктором рукопожатием, вскрикивает, отдергивает свою руку и трясет кистью в воздухе.)* Ну и рука у тебя, из железа что ли? Теперь понятно, кто виноват.

Виктор *(сжимает и разжимает пальцы правой руки)*. Сила еще есть, подкову согнуть могу.

Сергей. Полундра, Мамба!

Больные дружно кидаются к своим постелям. Входит вторая медсестра и видит лежащий на полу стол.

Вторая медсестра. Укушенные, кто это сделал?

Виктор. Он сам упал от старости, наверное.

Вторая медсестра. Вы что, за дуру меня принимаете, а кричал кто?

Геннадий Михайлович. Это мы с Виктором, видим, стол падает, ну, испугались и закричали.

Вторая медсестра. Сказки детям рассказывайте!

Сергей. Вы что, четверем свидетелям не верите?

Вторая медсестра. Уж кому бы я советовала больше молчать, так это менингитчикам. Учтите, на полу будете есть (*выходит*).

Виктор (*встает и пытается собрать сломанный стол*). Подумаешь, я вертолет чинил, а тут какой-то стол, вмиг отремонтируем. Нет, все пазы разворочены.

Борис (*сидит на корточках рядом и рассматривает стол*). Как говорил мой знакомый уролог: «Поздно пить боржоми, когда почки отвалились!»

Сергей (*выглядывает за дверь в коридор*). Атас! Какая-то комиссия по коридору идет.

Больные бросаются по своим койкам. В сопровождении медсестры в палату входят главврач и несколько врачей из санитарной комиссии.

Санитарный врач. Почему в палате сломанный стол?

Виктор. Только сейчас поломался, и старшая медсестра еще не успела его заменить.

Главврач. А почему он сломан?

Виктор. Стоял и вдруг рухнул... сам по себе. От старости.

Главврач. Такого не бывает.

Виктор. Как же не бывает. Один грибник в лесу спрашивает:

«Кукушка, скажи, сколько мне осталось жить?»

Кукушка отвечает: «Ку...»

Грибник: «А почему так ма...».

Главврач (*сердито*). Ах, до чего же остроумные больные в инфекционном отделении. Просто «Клуб веселых и находчивых». Такое ощущение, будто началась эпидемия остроумия. Старшая медсестра, немедленно замените стол!

Вторая медсестра (*коротко, по-военному*). Есть!

Санитарный врач (*подходит к тумбочке Сергея, открывает ее и проводит пальцем по торцу дверцы*). Что это, грязь в палате?

С демонстративно вытянутым вперед пальцем санитарный врач выходит в коридор. Медсестра оборачивается и грозит кулаком Сергею, выходит вслед за комиссией.

Виктор. Как она ловко нашла грязь, прямо как наш старшина у молодого дневального.

Борис. Ну, Серега, Мамба тебе этого не простит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Больные играют за столом в преферанс.

Борис. Раз!

Виктор. Пас!

Геннадий Михайлович. Двое нас!

Входит лечащий врач Вадим Андреевич. Больные встают.

Вадим Андреевич. В тринадцатой палате всегда почему-то самые активные больные.

Виктор. Что-то вы сегодня задержались.

Вадим Андреевич. Профсоюзное отчетно-перевыборное собрание. Вот, сбежал покурить. Сигарета у кого-нибудь есть?

Больные дружно достают сигареты и предлагают врачу. Все выходят на балкон курить.

Виктор. Как проходит собрание?

Вадим Андреевич *(закуривая)*. Все стандартно. Бесплатные путевки, материальная помощь, распределение квартир. Вот когда в нашей поликлинике были выборы профсоюзного комитета, то гинеколог предложил кандидатуру «глазника». А тот обиделся и ответил, что он не «глазник», а «окулист». И заметил, что гинеколога пока еще... никто не называет по имени органа, который тот лечит.

Больные смеются.

Виктор. Вадим Андреевич, а вас клещи кусали?

Вадим Андреевич. Много раз, когда студентом на БАМе в стройотряде работал. Эх, счастливое было время. Я же через клеща женился. Мне очень нравилась дочь нашего прораба, она у нас в стройотряде поварихой работала. Заглядываю я к ней на кухню, а клещ впился ей в грудь под левый сосок, и она пытается его вытащить. Ну, она, конечно, смутилась, прикрылась. Я ей и говорю: «Давайте помогу, я же почти врач». И, как вы понимаете, при виде обнаженной груди любимой девушки, мозги набекрень, и одни эмоции. Забыл про пинцет, стал орудовать ногтями и, как назло, оторвал брюшко. Попробовал захватить головку зубами. А тут сзади открывается дверь и вваливается ее папенька. Увидел он нас в такой позиции и на меня с кулаками. «Ах ты, кобель шелудивый, – кричит, – она же еще несовершеннолетняя!» Я обиделся и говорю: «Тогда сами вытаскивайте клещей из своей доченьки», – хлопнул дверью и ушел. Но, потом все-таки женился на ней.

Борис. Я все хотел спросить, как предохраняться от нападения клещей, есть какие-нибудь средства?

Вадим Андреевич. В одной инструкции под названием «Берегись укуса клеща» рекомендуется: «...рубашку и куртку заправить в брюки, в сапоги или носки». А если серьезно, то можно использовать обычные мази от насекомых типа «Дэты», но я в это мало верю. Наша медсестра Танечка утверждает, что лучше всего пользоваться слабым раствором уксуса.

Геннадий Михайлович (*Борису*). В экспедиции самое надежное средство от клещей и комаров – это геологический молоток. У меня есть лишний, я тебе подарю.

Борис. Что ж ты сам не воспользовался молотком, когда тебя клещ укусил?

Геннадий Михайлович. Так он же мне в пупок залез, а там молотком не достать.

Борис. Тогда надо сделать пластическую операцию и пупок зашить. Зачем тебе нужна лишняя дырка в животе? Только клещей привлекает.

Вадим Андреевич. Слушая вас, я окончательно убедился, что люди, укушенные клещами, становятся какими-то необычными...

Геннадий Михайлович. Прибабахнутыми, да? Я тоже это заметил.

Вадим Андреевич. Мне кажется, что помимо боррелиоза и энцефалита иксодные клещи являются переносчиками неизвестного науке вируса, от которого укушенные люди почему-то становятся остроумнее.

Сергей. Вирус остроумия?

Геннадий Михайлович. Не только остроумнее, но и добрее. Например, в нашем отделе почти всех сотрудников кусали клещи и все, кроме одного, очень добрые люди.

Борис. С точки зрения формальной логики, я думаю, вы путаете причину со следствием. Просто остроумные и хорошие люди общаются с природой больше других, и на них чаще нападают клещи. Вот и все.

Виктор. Звучит как-то не романтично. Вирус остроумия мне нравится больше.

Борис. Вирусы лишь убивают клетки и не могут быть причиной таких качеств человеческого характера как доброта и остроумие.

Геннадий Михайлович. А может этот вирус очищает организм, убивая лишь те клетки, которые мешают людям быть добрыми и остроумными.

Виктор. Правильно, Геннадий! Наука может объяснить все!

Сергей. Могу поспорить, что Нинель клещи не кусали.

Вадим Андреевич. Верно, откуда вы знаете?

Сергей. Своим задом чувствую.

Вадим Андреевич. Нинель клещи не кусали, а нашу Танюшу два раза.

Борис. Все сходится.

Виктор. Тут я с клещами солидарен и тоже предпочел бы кусать Танюшу.

Вадим Андреевич. Кстати, Сергей, как вы себя чувствуете после пункции спинномозговой жидкости?

Сергей. Спасибо, Вадим Андреевич, в этот раз лучше. Только уж больно медленно идет лечение.

Вадим Андреевич. Когда процесс идет быстро это почти всегда плохо, а когда медленно – это хорошо! Не зря говорят, что самый лучший доктор – это Время.

Геннадий Михайлович. Только, к сожалению, этот доктор, в конце концов, убивает всех своих пациентов.

Вадим Андреевич. Что поделывать, жить хочется, а умереть придется. Ладно, побегу на собрание, скоро голосование, а я в счетной комиссии. Поправляйтесь ребята.

Больные хором. И вам не хворать.

Вадим Андреевич выходит.

ЯВЛЕНИЕ 7

Та же палата, Виктор с Борисом за столом борются на руках. Геннадий Михайлович судит. Виктор с криком побеждает Бориса.

Борис. Разве такого бугая одолеешь. А я на факультете был первым по борьбе на руках.

С балкона в палату входит Сергей.

Сергей. Геннадий, там по пожарной лестнице к нам парень какой-то лезет, говорит, что твой аспирант.

Геннадий Михайлович встает и выходит на балкон. Сбоку спрыгивает Леня Мордберг.

Мордберг. Геннадий Михайлович, здравствуйте.

Геннадий Михайлович. Привет, Леня, какими судьбами?

Мордберг (*протягивает Геннадию Михайловичу сетку с бананами*). Как ваше здоровье? Кушайте и поправляйтесь. Вы любите бананы?

Геннадий Михайлович. Обожаю.

Мордберг. В октябре заканчивается срок моей аспирантуры и надо подать заявку в Ученый совет института на защиту диссертации. Вы прочитали мою работу?

Геннадий Михайлович. Прочитал.

Мордберг. Ну, и как впечатление?

Геннадий Михайлович. Впечатляет, в трех местах даже плакал.

Мордберг. А если серьезно?

Геннадий Михайлович. Академик Николай Королев говорил, что если ты закончил работу вовремя, но сделал ее плохо, то люди очень быстро забудут, что ты уложился в срок, и долго будут помнить, что ты сделал ее плохо. Если же ты не уложился в срок, но сделал работу хорошо, то люди простят тебе задержку, и всегда будут помнить, что ты сделал работу хорошо.

Мордберг. Как это надо понимать? Мне переделывать диссертацию?

Геннадий Михайлович. Это надо понимать, что ты написал хорошую работу и в срок. Но, плагиат все же есть – сам знаешь, эти две страницы про урановое месторождение Южное.

Мордберг. Каюсь, Геннадий Михайлович, была у меня минута слабости и, как вы догадались, я просто переписал две страницы из диссертации Терентьева без всяких изменений.

Геннадий Михайлович. Какой к черту Терентьев, это две страницы из моей собственной диссертации. Я, конечно, польщен тем, что два человека пожеладали заимствовать кусок моей работы без всяких изменений, но...

Мордберг. Я приношу свои извинения и обязательно вставлю ссылки на вашу диссертацию.

Геннадий Михайлович. И запомни, ты должен сам уметь делать выводы, даже в том случае, когда понятия не имеешь о природе объекта.

Мордберг. Но я не знаю как.

Геннадий Михайлович. Не знаю – это проще всего. Ты «Путешествие Гулливера в страну великанов» читал?

Мордберг. А причем тут Гулливер?

Геннадий Михайлович. Король великанов поручил трем ученым мужам определить, что же такое есть Гулливер. Ученые внимательно изучили его и пришли к единодушному заключению, что это не птица, так как у него нет перьев, и он не летает; но и не рыба – так как у него нет чешуи, и он не плавает; но и не человек, так как им, бробдингнежским ученым, люди такого роста неизвестны. А это просто «рельплюм сколькатс», что в буквальном переводе с бробдингнежского на латынь означает *lusus naturae*.

Мордберг. А что значит *lusus naturae*?

Геннадий Михайлович. Игра природы.

Мордберг. Вы полагаете, что рудное поле Южное тоже игра природы?

Геннадий Михайлович. Я полагаю, что настоящий ученый не теряется даже в самой безвыходной ситуации.

Мордберг. Геннадий Михайлович, с вами просто невозможно серьезно разговаривать, вы все шутите, а у меня срок защиты подходит. С учетом ваших замечаний могу я подавать заявку секретарю Ученого совета?

Геннадий Михайлович. Да, но учти, сначала тебе надо доложить работу на научном семинаре отде-

ла. Веди себя скромно и помни, что ты не вправе лишить коллег удовольствия дать тебе дружеского пинка.

Мордберг. Никак не могу понять, когда вы говорите серьезно.

Геннадий Михайлович. Подозреваю, что никогда.

Мордберг. Спасибо, Геннадий Михайлович.

Геннадий Михайлович. Спасибо – это очень много, лучше оставь мне твои сигареты в порядке мелкого подхалимажа к научному руководителю.

Леня Мордберг спрыгивает с балкона вниз.

ЯВЛЕНИЕ 8

В палату входит Владимир Семенович.

Владимир Семенович. Гена, здорово!

Геннадий Михайлович. Владимир Семенович, привет, как ты сюда попал, через балкон?

Владимир Семенович. Зачем же, через вход.

Виктор. Не может быть, в инфекционное отделение посетителей не пускают!

Владимир Семенович. А меня пустили, шустрая такая сестричка-синичка.

Сергей (*вскакивая*). Это кто, Мамба синичка?

Геннадий Михайлович. Не может быть, чтобы она тебя впустила.

Владимир Семенович. И даже халатик дала. Приятная девушка. А что вы против нее имеете? Вахтер надо мной смеялся и обещал вызвать скорую, если

она меня укусит. Вы удивляетесь, как будто я с того света прибыл.

Борис. Расскажите, пожалуйста, как вас впустили?

Владимир Семенович. Очень просто: я подошел к сестре и сказал, что сибирская белочка просила передать ее дочке большую кедровую шишку.

Сергей. А она?

Владимир Семенович. Довели вы ее тут. Она чуть не заплакала и сказала, что у нее пока еще нет дочки, но обязательно будет.

Борис. А дальше?

Владимир Семенович. Потом меня увидел, какой-то врач и попытался выгнать. Но я сказал, что послан вручить государственную премию знаменитому геологу Геннадию Михайловичу Белову за открытие алмазных и урановых месторождений (*протягивает Геннадию Михайловичу сетку с фруктами*). Вот твоя премия.

Виктор. Я был уверен, что первые хохмачи и ловеласы в военно-воздушных силах, но, оказывается, они в геологии.

Владимир Семенович (*назидательно*). Запомните ребята, путь к сердцу женщины лежит через ласку! Но вам, я просто удивляюсь, молодые мужики, а на красивую девушку волками смотрите.

Сергей. Никогда не поверю, что лаской можно покорить Мамбу.

Владимир Семенович (*с напускной скромностью*). Открою вам еще один секрет: конечно, ласка очень важна, но и личное обаяние тоже надо иметь.

В палату заглядывает медсестра, приветливо

улыбается и обращается к Владимиру Семеновичу.

Вторая медсестра. Пройдите, пожалуйста, на балкон, а то скоро врачи с профсоюзного собрания пойдут.

Владимир Семенович. Хорошо, сестричка.

Сергей (*в сторону*). Первый раз за два месяца вижу, чтобы Мамба улыбалась.

Борис (*гордо*). Да, видно не родилась еще такая женщина, над которой мужчина, в конце концов, не взял бы верх.

Геннадий Михайлович. В каждой женщине должна быть не только загадка, но и отгадка.

Виктор. А Мамба очень даже и нечего, когда улыбается.

Владимир Семенович и Геннадий Михайлович выходят на балкон. Борис, Виктор и Сергей продолжают играть в карты.

Владимир Семенович. Гена, как себя чувствуешь?

Геннадий Михайлович. Нормально.

Владимир Семенович. Ну, тогда сходу, чтобы не затягивать, есть для тебя две новости: одна плохая, другая еще хуже, какую говорить первой?

Геннадий Михайлович. Давай, сначала, хорошую. Есть хорошая новость?

Владимир Семенович. Конечно, есть. Ты знаешь, что Седов уходит на пенсию?

Геннадий Михайлович. Слышал. Повезло все-

таки пенсионерам: отлюбили до СПИДа, отработали до «перестройки» и отпили до Указа по борьбе с пьянством!

Владимир Семенович. А скоро, говорят, пенсионерам новые льготы выйдут: им будет разрешено переходить улицу на красный свет, заплывать за буйки и стоять под стрелой подъемного крана.

Так вот, шутки в сторону. Седов рекомендовал тебя на свое место. Дирекция согласилась, и тебя назначили «исполняющим обязанности начальника отдела специсследований». Борисов, конечно, тут же побежал к директору и попытался убедить его, что у тебя нет опыта руководителя. Но директор ему ответил, что «опыт, как доктор, который приходит к больному, когда тот уже умер».

Геннадий Михайлович. Ну, а плохие новости?

Владимир Семенович. В связи с грядущим назначением первому отделу было приказано провести инспекцию твоего спецчемодана. Иван Иванович, как однокашник, мне об этом своевременно сообщил. Вчера мы с ним аккуратно вскрыли твой чемодан и обнаружили недостачу одного топографического планшета.

Геннадий Михайлович. Какого?

Владимир Семенович. Инвентарный номер 35, лист 2.

Геннадий Михайлович *(с досадой)*. Так и знал! Третий раз пропадает именно этот планшет, он прямо как заколдованный!

Владимир Семенович. Может случиться

крупная неприятность.

Геннадий Михайлович (*отмахиваясь рукой*). Ерунда, лишат допуска на год и все дела. Так пускай Женька Семаков топопланшеты получает.

Владимир Семенович. На должность начальника отдела специсследований назначает Первый главк, а дирекция только рекомендует. В случае утери секретного документа тебя не утвердят начальником отдела.

Геннадий Михайлович. Значит, не судьба мне стать начальником.

Владимир Семенович. Тебе все шутки, а твоим коллегам не безразлично, кто будет руководить отделом.

Геннадий Михайлович. Я, конечно, тронут доверием коллектива, но теперь Главк меня точно не утвердит.

Владимир Семенович. Не все так страшно. Может, твой планшет случайно попал в чей-нибудь другой секретный чемодан.

Геннадий Михайлович. Но это все равно нарушение режима.

Владимир Семенович. Если документ найдется до проверки, то все будет шито-крыто.

Геннадий Михайлович. А если нет?

Владимир Семенович (*уверенно*). Найдется! Тридцать лет назад я ночевал в тайге у костра, огонь подобрался, и моя полевая сумка с топопланшетами полностью сгорела. В те времена могли запросто уволить из экспедиции и лишить допуска на три года.

Геннадий Михайлович. И как же ты поступил?

Владимир Семенович. Разрезал пополам несколько больших топопланшетов и на правой чистой половине поставил штампы и инвентарные номера сгоревших листов, а зимой все списал из-за ветхости. Ну, понял? Мы возьмем большой планшет,отрежем от него половину без штампа и поставим на ней инвентарный номер 35/2.

Геннадий Михайлович. Штамп первого отдела подделывать?

Владимир Семенович. Да что там подделывать, синий прямоугольный штамп со словом «СЕКРЕТНО» и три цифры? Нашей чертежнице и гербовую печать ничего не стоит срисовать. А чтобы тебя окончательно успокоить, я через два месяца спишу этот топопланшет вместе с десятком других.

Геннадий Михайлович. Владимир Семенович, без меня официальную проверку спецчемодана делать не будут. А мне после выписки две недели на больничном листе загорать. Может за это время и найдется планшет.

Владимир Семенович. Ну что ж, как говорил умирающий слепой: «Поживем – увидим!»

Геннадий Михайлович. Что нового в отделе?

Владимир Семенович. На Женьку Семакова пришла «телега» из милиции. У него в квартире обнаружили самогонный аппарат и оштрафовали на триста рублей за самогонование.

Геннадий Михайлович. Это же аппарат его тестя Петровича. Он к свадьбе внука готовится. У них

гостей ожидается около ста человек.

Владимир Семенович. И еще нашли семь десятилитровых бутылей с брагой. А на горлышке каждой бутылки надета резиновая перчатка, раздутая газом, с растопыренными пальцами (*показывает*).

Геннадий Михайлович. Понятно, это называется газовый клапан, чтобы воздух брагу не окислял, иначе спирт превращается в уксус.

Владимир Семенович. Самый щекотливый момент состоит в том, что на ладонях всех перчаток синей шариковой ручкой было написано «Привет Горбачеву! ». А на одной перчатке пальцы сложены в виде фиги.

И все может, и обошлось бы, но тут участковый заявил, что будет оформлять штраф за самогонование. А Женька уперся, что самогон не гнал. Участковый рассердился и говорит:

«Как же не гнал? Аппарат же есть!»

Женька ему отвечает: «Тогда сразу оформляйте изнасилование».

Участковый удивился: «Ты что, кого-то изнасиловал?»

А Женька: «Нет. Но аппарат же есть!»

Ну, а пока участковый соображал, что ему сказали, подоспел Петрович.

Геннадий Михайлович. Петрович в разведке языков фашистских брал и никого не боится.

Владимир Семенович. «Я, – кричит Петрович, – гнал самогон, и гнать буду! Никого не боюсь, и ничего вы мне не сделаете!»

Участковый, понятно, тоже завелся: «В тюрьму, –

кричит, – тебя посадим!»

А Петрович не унимается: «Тогда сын начнет гнать самогон!»

Участковый, понятно, не уступает: «И сына посадим!»

Петрович: «Сына посадите, внук гнать станет!»

Участковый: «И внука посадим!»

Петрович: «А тогда и я уже выйду!»

Короче, участковый обозлился и телегу накатыл в институт. Тебе, как будущему начальнику, с Женькой разбираться.

Геннадий Михайлович. Мы с Женькой «кровные братья». Когда мне переливание делали после укуса гюрзы, он дал шестьсот граммов крови. А через год в поселковом лазарете фельдшер на табуретке без наркоза ампутировал ему раздробленные пальцы. И я вернул ему четыреста граммов крови.

Владимир Семенович. Понятно, что все это глупости с разборками на работе личной жизни сотрудников. Но сейчас идет такая кампания и тебе, как будущему начальнику отдела, придется «реагировать».

Геннадий Михайлович. Тогда плевать я хотел на это назначение, если ради него должен буду осуждать друга, хотя бы и для вида.

Владимир Семенович. Ах, какие мы честные. Нет, дорогой, Женьку выручать придется. Ты хочешь, чтобы начальником отдела стал Борисов и с Женькой разобрался? За самогонование нынче можно иметь большие неприятности.

Геннадий Михайлович. Ну, тогда я с Женькой одного поля ягоды. В прошлом году химики подарили

мне на день рождения стеклянный самогонный аппарат. Такой маленький, красивый, с колбой активированного угля для очистки. Поставил я брагу, и через месяц выгнал для пробы литр самогона. Пригласил на презентацию двух ведущих специалистов нашего института: Женьку Семакова, как технолога, и Богданова-Балтийского, как известного дегустатора. Сначала мы выпили самогонку, потом остатки браги, а потом эти гады по пьянке разбили мой самогонный аппарат.

Владимир Семенович. В нашей деревне все мужики делились на две группы: «справные» – это те, которые сначала брагу поставят, самогонку из нее выгонят, а потом сразу всю и выпьют. И «несправные» – это те, которые самогонку не гонят, потому что не могут дождаться, когда брага выходит, и ее выпивают. Так что, получается, несправный ты мужик, Гена.

Геннадий Михайлович. Ну, вот, а ты говоришь: «Иди в начальники отдела».

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена представляет собой большой кабинет в Научно-исследовательском геологическом институте: несколько письменных столов и канцелярских шкафов.

ЯВЛЕНИЕ 1

Раннее утро. Через высокие окна льется солнечный

свет. По радио передают утреннюю гимнастику. На стуле у окна сидит девушка в ультракороткой юбке и полирует пилкой ногти. Ее длинные ноги закинута на стол. В кабинет входит заместитель директора института с целью проверки трудовой дисциплины. Удивленно оглядывает пустой кабинет. Смотрит на часы, которые показывают пять минут девятого, оборачивается на дверь.

Василий Иванович (читает вслух объявление на двери). «Инструкция всяк входящему!

Входи тихо.

Проси мало.

Уходи быстро! »

(с раздражением) Ах, какие в отделе специсследований все остроумные! (Обращается к Марине, указывая ей на часы) А где же все?

Марина (невозмутимо, не прекращая своего занятия). Кто это все?

Василий Иванович. Ну, все, сотрудники?

Марина. А тебе что, старче, меня одной мало?

Василий Иванович. Девушка, вы что себе позволяете? Вы разговариваете с заместителем директора института!

Марина (по-прежнему невозмутимо). Откуда мне знать, я недавно здесь работаю.

Василий Иванович. Да я вас уволю!

Марина. Ах, какой вы страшный (встает, нахально смотрит на мужчину сверху вниз и щелкает зубами, делая вид, что хочет его укусить. Замдиректора испуганно шарахается в сторону. Марина поворачива-

ется и идет к выходу, демонстративно виляя бедрами, как манекенщица на подиуме).

Василий Иванович (*лязгает зубами ей вслед*). Эх, молодежь, совсем распустились. Но соблазнительная... сил нет (*ходит по кабинету, останавливается около одного из шкафов и вслух читает объявление, приколотое над ним*). «Не беспокоить! Непрерывное составление перспективных творческих планов».

ЯВЛЕНИЕ 2

В кабинет входит Геннадий Михайлович

Василий Иванович (*строго*). Геннадий Михайлович, проверяю трудовую дисциплину в твоём отделе. В четырех кабинетах все люди на месте, а в этом должно сидеть двенадцать человек. Почему же никого нет, уже четверть десятого. Распустил ты народ, а еще в начальники собрался.

Геннадий Михайлович. Василий Иванович сидят в тюрьме, а в нашем кабинете сотрудники работают. Попов и его группа еще в экспедиции. Богданов только сегодня вернулся с Кольского полуострова, и группа Ахмедова помогает ему внизу разгружать машину. Руденко заседает – он член комиссии по приемке полевых материалов. Трое сотрудников в первом отделе спецчемоданы получают. Лаборантка на месте.

Василий Иванович. Так это лаборантка меня сейчас отбрила?

Геннадий Михайлович. Где?

Василий Иванович. В этом самом кабинете.

Геннадий Михайлович. Маленькая, курносая, с хитрыми глазенками?

Василий Иванович. Нет, длинноногая в юбочке типа «бикини» величиной с тетрадный лист. Еще ходит так... *(замдиректора показывает, виляя тощим задом)*.

Геннадий Михайлович. Это Маринка Филатова. Но с ней лучше не связываться, я вас предупреждаю, она никого не боится.

Василий Иванович. Что значит «никого не боится?» В конце концов, пригрозил ей, что за такое поведение можно вылететь из института.

Геннадий Михайлович. Можно, конечно, ей пригрозить, но она все равно никого не боится. А профсоюз уволить ее не даст, вы же знаете. И главное, она родственница Терентьева!

Василий Иванович. Да, в институте полно блатных. Племянник нашего директора знаете, как меня подвел?

Геннадий Михайлович. Кто, Игорь? Опять на работу опоздал?

Василий Иванович. Хуже. Надо было для пользы дела срочно выпить... с одним нужным человеком, я и послал Игоря за бутылкой. До ближайшего магазина десять минут ходу, так он целый час где-то пропадал. А потом, мне рассказали, как он бутылку водки нес прямо в руке по улице, через вахту, мимо дирекции, по всему институту. Вошел ко мне в кабинет, когда я разговаривал с председателем Ученого совета, и молча грохнул бутылку прямо на стол между

нами. Мол, нате, пейте! Я чуть со стыда не сгорел. Что он хотел, непонятно. На весь институт меня ославить? Геннадий Михайлович. Василий Иванович, есть принцип, называемый «бритва Хенлона», который гласит: «Не надо искать злого умысла в том, что может быть объяснено просто глупостью».

Василий Иванович. Кстати, как ваше здоровье?

Геннадий Михайлович. Все нормально.

Василий Иванович. А у меня в последнее время что-то в боку колет. Вдруг как ударит, а потом ничего.

Геннадий Михайлович. Вам надо обязательно показаться врачу.

Василий Иванович. Я и сам это знаю, но какому?

Геннадий Михайлович. Патологоанатому.

Василий Иванович. Вы меня обижаете, почему же сразу патологоанатому, а не хирургу или терапевту?

Геннадий Михайлович. В народе говорят, что терапевт все знает, но ничего не умеет делать. Хирург все умеет, но ничего не знает. А патологоанатом все знает и умеет, но помочь пациенту уже не может.

Василий Иванович. И зачем же тогда мне надо именно к патологоанатому?

Геннадий Михайлович. Потому что вы будете у него первый живой пациент, дайте ему шанс, и он, наверняка, поможет...

Василий Иванович. Когда, после вскрытия? Геннадий Михайлович, с тобой серьезно говорить невозможно. И почему тебя в начальники выдвигают?

Геннадий Михайлович. Всему институту известно: я директору взятку дал, целую тысячу.

Василий Иванович (*испуганно*). Баксов?

Геннадий Михайлович. Нет, анекдотов!

Василий Иванович (*смеясь*). Неужели он столько анекдотов выслушал?

Геннадий Михайлович. Конечно, нет, его на трехсотом в больницу отвезли – от смеха пупок развязался. Так что я ему еще должен остался семьсот анекдотов.

*В кабинет входит Людмила Николаевна
с чемоданом в руке.*

Людмила Николаевна. Здравствуйте Василий Иванович, Гена, привет.

Василий Иванович (*строго*). Здравствуйте. Пойдемте Геннадий Михайлович, мне надо кое-что вам рассказать.

*Геннадий Михайлович и Василий Иванович выходят.
Людмила кладет чемодан на стол. Достает зеркальце
и губную помаду.*

ЯВЛЕНИЕ 3

Входит Марина.

Марина. Людмила Николаевна, с приездом! (*при-
нюхивается*). Чем это у нас в кабинете так противно
пахнет?

Людмила Николаевна. Не знаю, я только что
вошла.

Марина. В первом отделе все лето такой же запах
стоял, так они несколько бутылок одеколона извели, и
все равно к нам бегали свежим воздухом дышать.

Людмила Николаевна (*срывает с чемодана
пломбу и открывает его*). Так я и знала, вот они.

Марина. Кто?

Людмила Николаевна. Сардельки нашлись!

Марина. В чемодане?

Людмила Николаевна. Ну, да. Весной в день
отъезда в экспедицию купила в буфете два килограмма
говяжьих сарделек. Потом куда-то засунула их, дума-
ла, потеряла и только сейчас нашла. Это надо же, в
спецчемодан вместе с секретными документами сар-
дельки положила, опечатала и сдала на хранение в
первый отдел!

Марина. Так вот почему там все лето воняло. А
они даже полы вскрывали, думали, что где-то крыса
сдохла.

Людмила Николаевна. Я такая рассеянная,
просто кошмар. Однажды, когда еще студенткой была,
то чуть не заявила на лекции с помойным ведром в ру-
ках. Утром в халате пошла мусор выносить, задумалась и
на автопилоте порулила прямо в университет. Хорошо на
Первой линии подружка меня встретила и образумила.

Марина. Что же теперь будете делать?

Людмила Николаевна. Марина, умоляю тебя,

никому об этом не говори.

Марина. Буду молчать, как рыба!

Людмила Николаевна. А с первым отделом у меня всегда проблемы. В прошлом году работала с секретными картами, и случайно рулон поставила в корзину для бумаг, чтобы они не падали на пол. Заработалась до десяти вечера, когда первый отдел уже закрылся, ушла домой.

Марина. Могу поспорить, что рулон выбросила уборщица.

Людмила Николаевна. Верно! Утром обнаружила пропажу рулона с тридцатью секретными картами. Седова чуть инфаркт не хватил от таких новостей. В середине дня вспомнила, куда рулон поставила. Бросились искать уборщицу, но она уже ушла. На помойке сказали, что мусоровозка уехала два часа назад. Седов ринулся на городскую свалку, а я к уборщице домой. И, конечно, моими картами был устлан пол в ее квартире, где шел ремонт. Мы, потом, два месяца очищали карты от мела.

Марина. Это просто случайность, со всяким может произойти.

Людмила Николаевна. Нет, это рок! Или склероз? Вчера стою под дождем на трамвайной остановке, держу в руке зонтик (*показывает*) и чувствую, что вся мокрая. Оказывается, зонтик открыть забыла. И главное, на остановке полно народу, и никто мне не подсказал, что я стою как дура с закрытым зонтиком.

Марина. А вы знаете, какие в отделе новости? Геннадия Михайловича назначают начальником отдела!

Людмила Николаевна. Это здорово.

Марина. Но у него из спецчемодана пропал один топопланшет, лист 35/2, мы всем отделом его ищем. В вашем чемодане его случайно нет, может, положили вместе с сардельками?

Людмила Николаевна. Что ты говоришь такое, этого не может быть! Впрочем, давай посмотрим.

Марина. Ура, вот же он сверху лежит. Теперь Геннадий Михайлович у меня попляшет, чтобы его получить (*танцует с картой в руках*). Посмотрим, какой он однолюб!

Входит Валентина Александровна.

Валентина Александровна. Девочки, привет! Людочка с возвращением! (*Женщины целуются и платками стирают друг другу с лица губную помаду*). А чем это у нас так воняет?

Людмила Николаевна. Весной я закрыла в спецчемодане два килограмма сарделек и вот только сейчас это обнаружила.

Валентина Александровна. Ну, и что вы любуетесь на эту дрянь? Мариночка вынеси это, пожалуйста, на помойку.

Марина берет бумажной сверток и, держа его на вытянутых руках, выходит.

Валентина Александровна. Давай обрызгаем одеколоном, а то в кабинете не продохнуть. (*Освежает воздух из аэрозольного флакона*). У меня тоже с

памятью плохо. Вчера из редакции вернули на доработку мою статью. Стою на кухне, чищу картошку и обдумываю, как исправить замечания. Потом схватилась, а передо мной одни очистки в тазике, а картошки нет. Как в сказке. Из кухни я точно не выходила. Все обыскала и даже помойное ведро, нет и все..., как украли чищенную картошку. Опять встала к раковине, взяла нож, картофелину, задумалась о статье, а сама слежу за своими руками, что они машинально делают. Так вот, оказалось, что я очищала картофелину, открывала крышку на кастрюле с кипящим бульоном и туда бросала. Полная кастрюля чищеной картошки.

Людмила Николаевна. Ах, как я вас понимаю.

В кабинет входит Марина.

Валентина Александровна. Как прошла экспедиция, все живы, здоровы?

Людмила Николаевна. Все в порядке, только в этом году водитель мне попался – типичный «мурамой».

Валентина Александровна. Что значит «мурамой»?

Людмила Николаевна. Мурамой – это люди, которые создают проблемы там, где их могло и не быть.

Валентина Александровна. Да, и проблемы, при этом, возникают совсем не у них.

Марина (*в сторону*). Тогда выходит, что все мужчины – сплошные мурамой!?

Людмила Николаевна. Молодой шофер, а за нуда и скупердй, хуже нашего Жадина.

Марина (*убежденно*). Второго, такого, как Жадин, на свете быть не может. Самое пошлое явление в глазах женщины – это жадный мужик. Помните, на праздник Восьмого Марта наши мужчины сложились на подарки и банкет по пять рублей, а Жадин умудрился сдать только пятьдесят копеек. Зато с утра приставал ко всем с вопросом, когда ему следует идти в столовую обедать, чтобы успеть нагулять аппетит.

Валентина Александровна. Но, зато, жадничает он от чистого сердца.

Марина. Рожденный ползать – везде пролезет.

Людмила Николаевна. А после банкета еще ко мне приставал. Я вышла в коридор, он выскочил следом и ко мне с распростертыми руками: «Наконец-то мы одни» – говорит. Пришлось дать ему по физиономии, так, что он влетел обратно в кабинет.

Марина (*глубокомысленно*). Рожденный ползать – летит недолго.

Людмила Николаевна (*Валентине Александровне*). А вы как в экспедицию съездили?

Валентина Александровна. В экспедицию так и не попала, радикулит скрутил. Проснулась утром и почувствовала, что в спину вступило. И тут вспомнила, как Инесса мне советовала для профилактики каждое утро принимать позу кобры: лежа на животе надо поднять голову как можно выше (*показывает, ложась на письменный стол*). Так в «позе кобры» меня и заклинило, и несли до «скорой». Ой! Опять.

Валентина Александровна замирает в «позе кобры», Женщины массируют ей спину и помогают встать.

Марина. Миленькая поза. А если часто высовывать язык, то получится очень натурально.

Людмила Николаевна. У меня для вас есть чудесное испытанное средство, просто термоядерное! Однажды я порезала палец. Инесса смазала мне ранку какой-то жидкостью, и на другой день все зажило. Но название этой мази толком не запомнила. В аптеке увидела пузырек очень похожий. Дай, думаю, куплю на всякий случай. И тут муж натер палец на ноге. Стала я ему этой жидкостью потертость мазать, а он орет на весь дом таким дурным голосом, как будто его клеймят раскаленным железом. Я, конечно, возмутилась и говорю: «Какие вы мужики мнительные и трусливые!» Отлично помню, что когда Инесса мне палец мазала, то было совсем не больно. А он вертится как еретик на костре. Ну, я намазала, как следует, забинтовала. А на другой день кожа вокруг потертости слезла, рана покраснела, и ногу раздуло, как от укуса гадюки (*показывает*). Я испугалась, позвонила Инессе и уточнила название той мази. Конечно, оказалось, что это другое лекарство. Просто название перепутала, а пузырьки совершенно одинаковые. Эта мазь оказалась каким-то новым и сильным средством для лечения радикулита. И как муж терпел, непонятно. Но через месяц у него все прошло. Завтра я вам эту мазь принесу. Обязательно попробуйте, но не более десяти минут.

Марина. Валентина Александровна, в чемодане

Людмилы Николаевны я нашла топопланшет Геннадия Михайловича.

Валентина Александровна. Замечательно. Ну, Мариночка, теперь Геннадий Михайлович тебе обязан. Говорят, он к тебе равнодушен?

Марина (*смуцается и небрежно машет рукой*). Что вы, от наших мурамовев разве дожدهшься настоящей благодарности. Когда лягушку переехал асфальтовый каток, она отряхнулась и восхищенно заметила: «Вот уж прижал, так прижал... не то, что мужики с нашего болота!»

Женщины смеются.

Людмила Николаевна. Что, диссертацию Ольги Бабуриной утвердил ВАК? (ВАК – Высшая Аттестационная Комиссия Академии наук СССР)

Валентина Александровна. Это история века. Ольга напрасно ждала год и поехала в Москву. В канцелярии ВАКа узнала, что ее диссертация находится у «черного оппонента» в секретном урановом институте, и отзыва до сих пор нет. Она рванула к секретарю ученого совета этого института и потребовала отзыв. Ученый секретарь – женщина наших лет, испугалась, что в ее институте пропала секретная диссертация, и раскрыла Ольге «черного оппонента», который находился в отпуске на Черноморском побережье, где и заболел дизентерией. Безуспешно искали диссертацию в шкафу оппонента и даже вскрыли его сейф. Но научная работа пропала из недр секретного уранового института. Скандал предстоял грандиозный. И тут кто-

то заметил, что в кабинете, на рабочем стуле «черного оппонента», который был очень маленького роста, лежит толстая, переплетенная рукопись. Ольга сразу признала свою работу. Оказалось, что оппонент несколько месяцев сидел на работе, забыв о ее содержании и своих обязанностях. Зато отзыв был положительный!

Марина. После утверждения Ольга сразу потребовала назначить ее старшим инженером отдела и для страховки пригрозила Терентьеву рассказать всему институту, что один из трех ее незаконнорожденных сыновей от него, если он не повысит ее в должности.

Валентина Александровна. И что, Терентьев испугался?

Марина. Нет, что вы. Он принципиальный и ей отказал. А Ольга на другой день привела в институт трех сыновей, и все стали гадать: какой из них больше похож на Терентьева. Вот тогда он и сломался.

Валентина Александровна. Выходит: не имей сто друзей, а имей трех незаконнорожденных детей.

Марина. Ольга делит всех людей на три категории: простые сволочи, типичные сволочи и законченные сволочи.

Людмила Николаевна. Интересно, к какой категории она относит меня?

Марина. Вас она относит к средней категории, то есть к «типичным». Валентину Александровну – к «простым», а меня – к «законченным».

ЯВЛЕНИЕ 4

В кабинет с шумом входят несколько сотрудников мужчин. Все здороваются с женщинами.

Владимир Семенович. Девочки, привет! О, какое у нас в кабинете амбре (*слово «амбре» произносится с прононсом*). Ничего, что я по-французски?

Семаков. Вроде тухлятиной какой-то пахнет, да еще и с одеколоном пополам.

Валентина Александровна. Ну и грубиян ты Женька, при женщинах такое говорить.

Владимир Семенович. По всему институту так пахнет, особенно в первом отделе, а теперь и у нас.

Валентина Александровна. Джентльмены, откройте, пожалуйста, форточку и при дамах поговорите о чем-нибудь другом.

Мордберг залезает на стул и открывает форточку.

Семаков. Люда, ты слышала, что Геннадия Михайловича клещ укусил? Он в больнице лежал и сегодня первый день на работу вышел?

Людмила Николаевна. Как в больнице? У него же прививка есть!

Семаков. Да, но клещ об этом не знал.

Владимир Семенович. В Дальневосточном геологическом управлении работал один геолог, переболевший энцефалитом после укуса клеща. Все называли его «ушибленный солнцем». Потому что когда он шел по коридору, то шатался, как после солнечного

удара. А иногда вваливался в дверь какого-нибудь кабинета. Но трогать его нельзя. Полежит на полу немного, потом спокойно поднимается и уходит. Я, когда первый раз увидел, как человек в дверь вваливается, падает, на полу корчится, а никто внимания на него не обращает и даже перешагивают через него, то подумал: «Ну, и звери тут работают!»

В кабинет с грохотом вваливается Геннадий Михайлович, трясет головой и руками.

Геннадий Михайлович *(дурачась)*. В... в... всем п... п... п... привет!

Марина *(подбегает к нему)*. Геннадий Михайлович, ваша карта нашлась.

Геннадий Михайлович *(радостно)*. Мариночка, спасибо. Можно я тебя поцелую?

Марина. Не можно, а даже нужно!

Геннадий Михайлович *(целует Марину в щеку)*. Только нельзя же так, без подготовки. Ты что, хочешь, чтобы я заикой на всю жизнь остался?

Марина. А какая должна быть подготовка?

Геннадий Михайлович. Ну, ты должна была подойти ко мне, немного поболтать о чем-нибудь легком, постороннем, может быть, даже обнять, а потом уж и говорить.

Марина *(обнимает Геннадия Михайловича)*. Вот так, да?

Геннадий Михайлович *(сдавленным голосом)*. Марина, ты талантливая ученица.

Марина отпускает Геннадия Михайловича и отходит к женщинам.

Марина (*разочарованно разводит руками*). Это не асфальтовый каток.

Женщины понимающе кивают головами.

Семаков. Гена, расскажи что за болезнь ты подцепил, и как тебя клещ укусил?

Геннадий Михайлович. Залез в самый пупок и не вытащить.

Семаков. Так надо было его головешкой из костра прижечь.

Геннадий Михайлович. Отличная мысль, и как она сразу мне в голову не пришла. Женька, обещаю, на будущий год обязательно прижгу на тебе головешкой первого же клеща.

Семаков. Рассказывай про боррелиоз.

Геннадий Михайлович (*шутливо, но с серьезным видом*). Это страшная болезнь. От нее либо сразу умирают, либо остаются дураком на всю жизнь.

Марина. Ах, какая геология романтичная, но опасная профессия.

Владимир Семенович (*назидательно*). Мариночка, геология не профессия, а образ жизни.

Семаков. Ну, а симптомы болезни, какие?

Геннадий Михайлович. Поначалу симптомы очень даже обыкновенные: непреодолимый сон... зверский аппетит... и полное отвращение к работе, но по-

том хуже. Знаете, какой самый грозный симптом этого заболевания? *(смотрит на окружающих, выдерживает паузу и намеренно тихо, чтобы никто не расслышал, говорит)* Глохнут!

Семаков. Что, что?

Геннадий Михайлович *(излишне громко кричит Семакову прямо в ухо)*. Глохнут!

Все смеются.

ЯВЛЕНИЕ 5

Полный кабинет народу. Все сидят за столами и работают. Входит Юрий Борисович Богданов-Балтийский.

Юрий Борисович *(сердито, обращаясь ко всем)*. Семаков меня подставил! Жена в столовой взяла обед без очереди, а он уже пообедал и возвращался в отдел. Она и попросила его сказать мне, чтобы я бежал в столовую, а то обед остынет. Так он по пути Жадина встретил. Тот вцепился в него, словно клещ, и что-то рассказывает уже целый час. А мне пришлось съесть холодный обед!

Юрий Борисович садится за свой стол. Входит Семаков.

Семаков *(останавливается перед столом, за которым молча сидит Юрий Борисович, смотрит на него и, что-то вспомнив, хлопает себя ладонью по лбу)*.

Послушай, Юра! Что ты сидишь? Тебе жена в столовой обед без очереди взяла, беги скорее, остынет!

Юрий Борисович *(недовольно)*. Спасибо тебе, Женечка, я уже съел холодный обед.

Семаков. Юра, извини! Ты же знаешь Жадина. Он сорок минут рассказывал мне, какой фотоаппарат собирается купить. И раз десять повторил, что плохой фотоаппарат ему не нужен.

Входит Геннадий Михайлович.

Геннадий Михайлович *(обращается к Семакову)*. Женька, на минутку *(отводит его в сторону, и они вместе прогуливаются по краю сцены)*. Что, допрыгался с самогонкой?

Семаков. Ты со мной разговариваешь как начальник или как старый друг?

Геннадий Михайлович. Разве я похож на Борисова, который радуется тому, что у соседа корова сдохла?

Семаков. Гена, все будет в порядке. Выступлю перед «Обществом трезвости и борьбы с пьянством» и объявлю, что свадьба моего сына на сто человек будет по самой последней моде «безалкогольной».

Геннадий Михайлович. Что же, обманывать станешь?

Семаков. Подумаешь. Я где-то читал, что даже великий полководец Суворов, когда взял Измаил, писал в донесении императрице Екатерине об уничтожении 70 тысяч турок. Адъютант ему заметил, что там столько турок и не было. «Басурманов не жалко, пи-

ши», – ответил Суворов.

Геннадий Михайлович. Я сегодня все утрясу с директором и Говоровым. А ты не высовывайся и делай вид, что ничего не случилось.

Семаков. Первый закон геологии – начальник всегда прав! Если начальник сказал, что бурундук – птичка, то значит птичка. А почему не чирикает – фиг его знает (*дружески толкает Геннадия Михайловича в плечо*). Кстати, я сегодня бутылку Петровича на пробу принес, высочайшего качества.

Геннадий Михайлович. Мне врач сказал, что после выписки алкоголь нельзя две недели.

Семаков. Так прошло уже девять дней. Между прочим, вот тебе приглашение на свадьбу от молодых. Просят тебя быть тамадой.

Геннадий Михайлович (*с кавказским акцентом*). Пэрвый раз буду тамада на бэзалкагольной свадьбе. На Кавказе свадьба бэз вина это как свадьба бэз жениха и бэз невесты.

Семаков выходит в коридор.

Геннадий Михайлович подходит к сотруднику, сидящему за столом.

Геннадий Михайлович. Анвер Метхатович, можно вас на минутку (*отводит сотрудника на край сцены*). Из Комплексной геологической экспедиции пишут, что во время полевого сезона вы днем голый разгуливали по лагерю среди палаток и лаборантки боялись на улицу выйти. Вот (*показывает письмо*), женщины возмущаются и пишут, что территория поле-

вого лагеря – это не мужская баня, а общественное место.

Анвер Метхатович (*берет под руку Геннадия Михайловича, прогуливается с ним по краю сцены*). Между прочим, мужская баня тоже общественное место. Послушайте, коллега, как вы относитесь к поэзии Йетса?

Геннадий Михайлович. Кого?

Анвер Метхатович. Уильямса Батлера Йетса, ирландского поэта и драматурга. Как вам нравятся его стихи? Помните, я читал на День геолога.

Геннадий Михайлович (*разводит руками с таким видом, будто только филин может быть не знаком с поэзией Йетса*). Сверхъестественно!

Анвер Метхатович (*глубокомысленно*). У него есть такие строки:

«Для песни я сшил одеяние.

Но... глупцы нацепили его.

Оставь его, песня, им.

Лишь настоящее мужество,

Позволяет ходить нагим».

Геннадий Михайлович. Ах, как это тонко!

Анвер Метхатович. Я знал, что вам понравится.

Геннадий Михайлович. Завтра же напишу ответ коллегам, что вы ходили голым не из хулиганских побуждений, а из эстетических соображений.

Анвер Метхатович (*назидательно*). Физиотерапия тоже очень важна, тело должно дышать и все органы (*поднимает вверх палец*) должны получать ультрафиолет.

Геннадий Михайлович. Совершенно верно, но вот только женщины, они... боятся.

Анвер Метхатович (*удивленно*). Чего?

Геннадий Михайлович (*смущенно*). Ну..., наверное, обнаженного тела.

Анвер Метхатович (*назидательно*). Я много раз объяснял им, что глупо женщинам... боятся обнаженного мужского тела, ибо... (*поднимает вверх указательный палец*) оно прекрасно. Нужно бояться дурных поступков.

Геннадий Михайлович. Это гораздо тоньше, чем у Йетса.

В кабинет входит Руденко.

Руденко (*говорит, обращаясь сразу ко всем*). Сейчас в комиссии по приемке полевых материалов мы читали дневник Говорова, где на последней странице написано (*читает*): «на правом берегу реки, в крутом обрыве обнажаются песчаники, которые я вчера, спяну, принял за граниты рапакиви».

Все смеются.

Юрий Борисович. Назвать песчаники гранитами рапакиви – все равно, что спутать бульдога с носорогом.

Руденко. А Говоров у нас – председатель «Общества трезвости и борьбы с пьянством».

В кабинет вбегает Говоров и обращается к Руденко.

Говоров. Вячеслав Ефимович, вы этому верите? Неужели вы думаете, что доктор наук не сможет отличить рыхлые песчаники от знаменитых гранитов рапакиви, из которых построена Александрийская колонна и невские набережные. Про это даже школьники знают. Наверняка, это мне Федоров приписал! Помните, на него весной бумага из медвытрезвителя пришла? Мы тогда по приказу дирекции разбирали его на заседании «Общества трезвости и борьбы с пьянством». Вы знаете (*говорит, обращаясь к присутствующим*), что я стал председателем этого общества по рекомендации партийного бюро, так как физически не могу пить и «не сорвусь». У меня в этом обществе пока записаны только четыре женщины, и у всех мужья пьяницы. Так они на заседании набросились на Федорова как овчарки и чуть не разорвали. Я его еле отстоял, а он свинья меня отблагодарил.

Руденко (*назидательно*). Михаил Иванович, по инструкции полевой дневник следует хранить в месте, исключающем возможность утраты или порчи.

Говоров. И вы туда же. Так Федоров приписал мне эту фразу здесь в кабинете, когда я на обед выходил. Неужели из-за этого вы нам за полевые работы тройку нарисуете и всю экспедицию без премии оставите?

Руденко. Михаил Иванович, работа в обществе трезвости притупила ваше чувство юмора. Вам уже нарисовали пятерку, идите и обрадуйте Федорова.

ЯВЛЕНИЕ 6

Конец рабочего дня, все сидят за письменными столами. Алена звонит маленьким колокольчиком. Никто не обращает внимания. Мордберг подходит к колоколу и отбивает двойной удар. Все встают и с шумом сдвигают столы в один длинный стол. Садятся лицом к зрителям. В центре сидят Руденко и Геннадий Михайлович.

Руденко. Очередное заседание чайного клуба «Плутон» объявляю открытым. Раз в году осенью мы проводим традиционный прием в члены клуба. Перед началом торжественного чаепития надо решить вопрос о приеме уважаемой Морозовой Алены Борисовны в члены-корреспонденты нашего клуба. О прохождении кандидатского стажа расскажет секретарь клуба уважаемый Юрий Борисович Богданов-Балтийский.

Юрий Борисович *(с места)*. Алена в течение года исполняла обязанности младшего звонаря, на чаепитиях рассказала пять историй и шестнадцать анекдотов, регулярно платила членские взносы, замечаний нет.

Руденко. Мнение уважаемых вице-президентов?

Вице-президенты в один голос: – Нет возражений!

Руденко. Уважаемые действительные члены?

Три человека молча поднимают руки.

Руденко. Уважаемая Алена Борисовна, поздравляю вас с избранием в члены-корреспонденты чайного клуба «Плутон» и вручаю вам именной бокал члена клуба. По традиции на этой должности вы будете исполнять обязанности старшего звонаря. *(Вручает бокал, все оживленно хлопают. Алена целует Руденко в щеку.)*

Руденко. Еще о приеме. Прошу вас, уважаемый Юрий Борисович.

Юрий Борисович. В секретариат поступило заявление от Марины с просьбой принять ее кандидатом в члены клуба.

Руденко. Есть ли возражения против этой кандидатуры?

Все хором: Нет!

Руденко. Марина, поздравляю Вас с вступлением кандидатом в члены чайного клуба «Плутон». Напоминаю, что обращение между членами клуба «уважаемый». За чаепитием можно рассказывать только интересные и остроумные истории и анекдоты, неизвестные всем. В других случаях рекомендуется молчать с умным видом. Вы будете исполнять обязанности младшего звонаря вместо Алены, которая передаст вам свой жезл.

Алена *(передает Марине колокольчик и целует ее)*. Мариночка, поздравляю!

Руденко. Третий вопрос об учреждении печатного органа нашего клуба. Какие будут предложения?

Геннадий Михайлович. Плутон – это массив кристаллических пород, образовавшийся из магмы, за-

стывшей в глубинах земной коры. Когда магма изливается на поверхность, то образуется вулкан. Предлагаю назвать нашу стенгазету «Вулкан».

Все вразной. Отлично! Хорошо!

Руденко. Принимается единогласно.

Мордберг. А под названием нашей газеты «Вулкан» будем писать: «Орган чайного клуба Плутон».

Возгласы одобрения.

Геннадий Михайлович. Лучше будет звучать: «Интимный орган чайного клуба Плутон». (*Смех, возгласы одобрения*). Есть мнение – редактором нашей стенгазеты избрать молодого поэта и барда Леонида Мордберга.

Возгласы: Правильно!

Руденко. Официальная часть закончена, приступаем к торжественному чаепитию. Прошу наполнить бокалы.

Алена и Марина из чайника разливают напиток в стаканы.

Руденко. Вступительное слово предоставляется уважаемому Геннадию Михайловичу, который, мы надеемся, вскоре станет начальником отдела специсследований. Хочется верить, что, несмотря на столь высо-

кий пост, он останется таким же простым, хорошим и остроумным человеком, каким мы знали его многие годы.

Геннадий Михайлович (*поднимает стакан*). У меня есть тост: Умирает один заслуженный геолог, и апостол Петр говорит ему: «Тебе, дружище, придется идти в ад».

«Это с какой такой радости? – возмущается геолог. – Я всю жизнь себя не жалел, комаров в тайге кормил, не доедал, не досыпал и даже месторождение золота открыл. И тут правды нет! Я так не согласен и буду жаловаться Всевышнему!»

«Вообще-то ты прав, – смутился апостол, – и по всему тебе положено в рай, но ты пойми ситуацию: я по глупости уже пустил туда двух геологов. Они теперь целыми днями говорят только о геологии: спорят, орут, чуть не подрались. Какой уж тут рай? Да еще ты появишься, что тогда будет? Всем известно, что у трех спорящих геологов, по крайней мере, четыре точки зрения».

«Ты возьми меня на испытательный срок, – просит геолог, – я поговорю с ребятами недельку и сделаю так, что они сами уйдут из рая».

Согласился апостол. Три геолога неделю спорили и орали, показывая руками куда-то в горы, которые, как известно, со всех сторон окружают райские кущи. Наконец, первые два геолога собрали рюкзаки, наполнили их райскими яблоками и отчалили в горы. И наступила настоящая райская благодать! Ни шуму, ни крику.

Прошла неделя, другая, и оставшийся геолог стал потихоньку собирать рюкзак.

«Ты куда? – удивился Петр. – Эти двое слиняли, тишь да благодать. Оставайся! Сам же хотел в рай».

«Видишь ли, – смутился геолог, – я тем двоим соврал, что в горах видел кимберлитовую трубку с алмазами. А они не верили и утверждали, что этого не может быть».

«Ну и что? Ты же им соврал».

«Да, но их нет уже две недели! А вдруг они там что-нибудь уже нашли?»

Так выпьем за то, чтобы настоящие геологи даже в раю оставались геологами!

Все встают с бокалами в руках.

Семаков. Минуточку, подождите, не пейте. Вот так чокаются монахи (*держа в руке стакан, тыльной стороной ладони дотрагивается до руки Богданова*). Это – чтобы бог не услышал. А вот как должны чокаются настоящие геологи (*берет стакан пальцами сверху, Геннадий Михайлович держит стакан также, и они чокаются доньшиками; раздается звук, напоминающий ударяющиеся друг об друга камни*).

Все дружно чокаются «по-геологически».

Руденко. Предлагаю на заседаниях клуба всегда чокаются только «по-геологически».

Возгласы: Правильно, отлично!

Руденко. Заседание продолжается, слово имеет вице-президент, старейший член нашего клуба глубокоуважаемый Владимир Семенович.

Владимир Семенович. Продавец спрашивает молодую женщину:

«Зачем вам так много материи на одну ночную рубашку?»

Женщина отвечает:

«У меня муж геолог – и для него главное – поиск! »

Так выпьем за самое главное в геологии – за поиск!

Все снова чокаются «по-геологически».

Руденко. Третий тост: «За прекрасных дам!» Господа офицеры!

Мужчины дружно встают, закладывают левую руку за спину и восклицают: «За прекрасных дам!». Все осушают стаканы. Мордберг пьет из стакана, поставленного на согнутый локоть левой руки. Опорожнив стакан, подбрасывает его вверх и ловит правой рукой. Женщин аплодируют.

Геннадий Михайлович (берет в руки гитару). Песня Юрия Кондакова (поет):

За блеск прекрасных женских глаз,

Поднимем нашу чашу.

Не в первый, не в последний раз,

И два, и три, и десять раз,

За блеск прекрасных женских глаз,

Поднимем нашу чашу.

Пусть говорят, что я старик,
Какого черта, врете!
Скажу вам братцы напрямик,
Я знаю в жизни чудный миг!
Когда любви безумный крик
В ее глазах прочтете!

Любовь к несчастью коротка,
Как выстрел пистолета!
Ну, что ж поделать, а пока,
В руке покоится рука,
Такая нежная рука,
Так пьем, за руку эту!

*Руденко дирижирует, все мужчины хором
подхватывают:*

За блеск прекрасных женских глаз,
За блеск прекрасных женских глаз,
За блеск прекра... а... а... а... сных женских глаз,
Поднимем нашу чашу.

Все встают и дружно хлопают.

Руденко. Слово предоставляется уважаемому Лене Мордбергу.

Мордберг. Я прочитаю свои новые стихи. Можно? (*читает с воодушевлением*):

Мы – птицы, летящие к солнцу,
Мы верим всеведенью лоций,
Мы терпим и страх, и усталость,
Чтоб солнце в зените осталось.

Мы – стрелы, летящие к цели
Сквозь годы, дожди и метели,
Мы помним те звонкие звуки –
Мертвы нас пустившие луки.

Мы – птицы, летящие к солнцу,
Мы – стрелы, летящие к цели,
Мы – голос.. .

Давайте выпьем за хороших людей, их все меньше и меньше..., так выпьем за нас с вами.

Все чокаются «по-геологически».

Руденко. Заседание продолжается. Слово имеет уважаемый Андрей Семенович Ефрон.

Марина и Алена разливают напиток.

Ефрон (*поглаживая седую бороду*). Этим летом мы сплавлялись на плоту. А в нижнем течении река разливается, петляет и едва течет. Погода была хорошая, вода теплая и я плыл впереди плота. Но скоро замерз и, чтобы согреться, выскочил на берег совершенно голый и решил немного пробежаться. Смотрю, тропинка в лесу среди папоротников вдоль реки идет. Я побежал по ней и вдруг навстречу мне три женщины с

корзинами, видно по ягоды собрались. Увидели они меня, да как заорут, корзины побросали и бежать. Я с ходу нырнул в реку и под водой метров двадцать за поворот проплыл. Вылез на плот, оделся. Подплываем к поселку, а нам навстречу мужики бегут с вилами да с косами, бородатого лешего ловить, который голый гоняется в лесу за бабами... и живет в реке! Вот как рождаются легенды. (*Ефрон многозначительно поднимает палец.*)

Юрий Борисович. Сообщаю, что этим рассказом уважаемый Андрей Семенович Ефрон набрал гроссмейстерский бал и отныне к нему следует обращаться «глубокоуважаемый».

Все хлопают.

Руденко. Слово предоставляется уважаемой Алене Борисовне.

Алена. В Казахстане в переполненном поезде двое умников захотели поудобнее устроиться. Один залез под лавку, раскрыл чемодан и крикнул второму:

«Все ядовитые змеи сбежали!»

Пассажиры испугались и стали быстро переходить в другие вагоны. Шутники с комфортом устроились спать на опустевших полках. Утром они проснулись и выглянули в окно. Поезд стоял в степи на каком-то разъезде. Мимо проходил хмурый железнодорожник.

«Эй, приятель, – спросили они, – это что за станция? Стоять долго будем?»

«Долго!» – ответил железнодорожник.

«А что случилось?»

«Вчера какие-то два придурка целый чемодан ядовитых змей выпустили в скором поезде. Пассажиры разбежались по составу, а ваш вагон пришлось отцепить и загнать в тупик».

Руденко. Заседание продолжается. Прошу наполнить бокалы. Слово предоставляется секретарю клуба уважаемому Юрию Борисовичу Богданову-Балтийскому.

Юрий Борисович (*высоко поднимает бокал*).
Моряки пьют «за тех, кто в море»; геологи – «за тех, кто в поле».

Возгласы одобрения, все чокаются.

ЯВЛЕНИЕ 7

В кабинет входят директор института и его заместитель.

Петр Александрович. Так и есть, за железными дверями отдела специсследований ничего не меняется и опять «русским духом» пахнет. И это, когда вся страна из последних сил борется с пьянством и алкоголизмом, а я издаю приказ, запрещающий банкеты даже после защиты докторских диссертаций.

Руденко. Петр Александрович, это не банкет после защиты диссертации, а заседание чайного клуба «Плутон». Вы же знаете, что в отделе с тех времен, когда вы сами им руководили, действует строжайший сухой закон: «Ни капли мимо!»

Петр Александрович. Хочу поздравить вас, товарищи, Главк утвердил Геннадия Михайловича в должности начальника отдела специсследований, и я сегодня подписал приказ.

Крики одобрения, аплодисменты. Директор пожимает руку Геннадию Михайловичу.

Петр Александрович (*Геннадию Михайловичу*). Поздравляю и желаю творческих успехов вам и всему отделу специсследований. Кстати, Главк курирует теперь и алмазную тематику. Предложенная Геннадием Михайловичем программа изучения алмазных образований нового типа утверждена Главком, и на ваш отдел отпущены дополнительные ассигнования.

Возгласы одобрения и крики «Ура».

Петр Александрович. А я чувствовал, что попаду на заседание клуба. Вот мой пай, мидии маринованные черноморские, сам приготовил в отпуске.

Марина принимает банку с мидиями и угощает всех сотрудников.

Петр Александрович. Кстати, Геннадий Михайлович, я слышал, что вас укусил энцефалитный клещ, и вы лежали в больнице. Как ваше здоровье?

Геннадий Михайлович. Спасибо, все в порядке. Только у меня был не энцефалит, а боррелиоз.

Руденко. Петр Александрович, а вас клещи кусали?

Петр Александрович. Много раз.

Геннадий Михайлович. В больнице лечащий врач рассказал мне, что по его наблюдениям люди, укушенные клещами, становятся добрыми и остроумными. Он предполагает, что это результат воздействия еще неизвестного науке вируса остроумия. Мы собираемся учредить МЛУК – Международную Лигу Укушенных Клещами и приглашаем вас в наши ряды.

Петр Александрович. Вирус остроумия? Замечательно! А кто президент лиги?

Руденко. Еще не выбрали.

Петр Александрович. Тогда я предлагаю на эту должность Геннадия Михайловича, поскольку его еще и гюрза укусила, и он дважды укушенный.

Руденко. Все согласны?

Шум и возгласы одобрения.

Петр Александрович (*Геннадию Михайловичу*). Заразное это заболевание «бореллиоз»?

Геннадий Михайлович. Передается только через кровь. Но если укусить кого-нибудь и в ранку пустить слюну, тоже можно заразить.

Петр Александрович. Ну, тогда количество добрых и остроумных людей может расти очень быстро, мы захватим мир. И начнем с родственников. Сегодня же укушу тещу.

Марина. Постойте, но меня клещи не кусали, а я тоже хочу в Лигу.

Петр Александрович. Мариночка, вы будете удостоены чести быть укушенной самим президентом Международной Лиги, мы единодушно поручаем это Геннадию Михайловичу.

Геннадий Михайлович (*испуганно*). Что, прямо сейчас?

Руденко. Нет, только в сугубо интимной обстановке.

Геннадий Михайлович. Тронут доверием коллектива, и постараюсь его оправдать.

Руденко. Марина, чаю гостям!

Марина подносит директору и его заместителю поднос, на котором стоят два стакана, и наполняет их дымящимся напитком.

Василий Иванович (*берет в руки стакан*). Горячий.

Петр Александрович (*пробует из своего стакана*). И крепкий! Удивительно знакомый вкус.

Марина. Мы его на кедровых орешках настаиваем.

Василий Иванович (*пробует из своего стакана, удивленно*). Так это же не чай!

Петр Александрович. Это пунш «Геологический». А спирт добавляете казенный?

Руденко. Как же иначе получится настоящий «Геологический» пунш.

Василий Иванович. А чайные ложечки зачем?

Петр Александрович. Для конспирации, чтобы враг не догадался?

Руденко. Петр Александрович, вы не беспокойтесь, у нас как у мушкетеров: «Один за всех и все за одного».

Петр Александрович. Так уж и все? (*Ищет кого-то глазами*).

Геннадий Михайлович. Когда звери собрались играть в карты, то медведь сразу всех предупредил: «А кто будет жульничать, того поленом по хитрой и рыжей морде!»

Все (хором): Правильно!

Петр Александрович. Антиалкогольная кампания достигла и высших сфер. Вчера в Министерстве геологии мне анекдот рассказали: Секретарша расстегивает кофточку и идет закрывать дверь кабинета. «А вот этого не надо, – говорит ей директор, – а то еще подумают, что мы с вами здесь водку пьем».

Василий Иванович. Петр Александрович можно я тоже анекдот расскажу?

Петр Александрович. Пожалуйста.

Василий Иванович. Анекдот про крокодила (*смеется*). Знаете?

Руденко. Нет, рассказывайте!

Василий Иванович (*сквозь смех*). Про говорящего крокодила. Точно не знаете? А то не интересно рассказывать.

Руденко. Нет же, пожалуйста, начинайте.

Василий Иванович (*перестает смеяться, делает серьезное лицо*). Значит так, к директору цирка приходит мужчина и говорит, что у него есть фанта-

стический номер с говорящим крокодилом (*смеется*). Нет, пожалуй, это из другого анекдота. Ах, да, вспомнил! Там еще и обезьяна была. Ну, знаете, нет? Скажите сразу.

Руденко. Рассказывайте.

Василий Иванович (*закатывается смехом*). Сейчас, сейчас. Просто, очень смешной анекдот. Умрете от смеха. Директор спрашивает: «Можно посмотреть ваш номер?». Мужчина отвечает: «Пожалуйста». Крокодил поет, а обезьяна играет на рояле (*смеется и машет руками*). Все, все, кончаю. Уж больно смешной анекдот. Нет, наоборот, это крокодил играет на рояле, а обезьяна поет. Директор удивился и говорит: «Потрясающий номер. Но скажите мне по секрету, как же обезьяна поет?» (*заразительно смеется*). Нет, не так, обезьяна действительно петь не может.

Петр Александрович (*строго*). Василий Иванович, заканчивайте!

Василий Иванович. Сейчас, сейчас! (*Смеется и вытирает платком слезы*) Конца точно не помню, но, уверяю вас, ужасно смешно!

Все смеются.

Василий Иванович. Вот, я же вам говорил, что смешно будет!

Петр Александрович. Если б я только знал, Василий Иванович, как ты рассказываешь анекдоты, то никогда не назначил бы тебя заместителем директора по хозяйственной части. Ладно, я сам закончу. Мужчина отвечает директору цирка: «Конечно, обезьяна

петь не может, и она только открывает рот, а крокодил играет и поет!»

Василий Иванович (*громко смеется и резко замолкает*). Ну, поняли? Крокодил играет и поет, а обезьяна только открывает рот.

Руденко. Василий Иванович, в нашем чайном клубе «Плутон» за плохо рассказанный анекдот полагается красная карточка, которая на одно заседание лишает члена клуба возможности что-либо рассказывать за чаепитием. А за попытку растолковать членам клуба соль анекдота – положены две красные карточки.

Петр Александрович. В старом уставе такого не было.

Руденко. Это была вынужденная мера защиты против Жадина. Он пытался превратить чайный клуб в театр одного актера и замордовал нас пресными историями из своей жизни.

Юрий Борисович. И рассказами о том, как у него много разных дел, что он буквально разрывается на части и ничего не успевает сделать.

Петр Александрович. Да, всему институту известно, что он был так занят, что за пятнадцать лет не успел построить туалет на своем дачном участке.

Руденко. Тогда и ввели в устав это правило. Как только Жадин рассказывал очередную историю, так все действительные члены опускали большой палец вниз, показывая, что рассказчику следует открыть красную карточку. Год он терпел, потом обозлился и перевелся в другой отдел.

Марина. Как же так, Жадина тоже клещи кусали.

Геннадий Михайлович. У него иммунитет к доброте и остроумию.

Петр Александрович (*поднимает свой стакан*). Ну, что ж, поднять бокал «За прекрасных дам» я опоздал, но говорят, что на Кавказе самый главный тост всегда провозглашают за мать. Потому что в жизни человека дом может быть не один. Жена тоже может быть второй, третьей или даже четвертой. А вот мать всегда одна. Так выпьем за мать, которая для нас одна, за мать Геологию!

Все встают, чокаются «по-геологически» и хором восклицают:

«За мать Геологию!»

ЗАНАВЕС